ИСТОРИЯ
МОЕЙ ЖИЗНИ

Я – ГРЕЙС КЕЛЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Грейс Келли: женщина-мечта, женщина-легенда, женщина-сказка.

Грейс (Grace) на английском – это и «грация», и «милость», и «достоинство», и даже обращение к герцогам (Your Grace – ваша светлость). Как тут не поверить в предопределение?

Она безо всякой протекции стала звездой Голливуда, а потом взошла на трон Монако и словно мановением волшебной палочки превратила маленькое княжество в процветающее и богатое государство. Как тут не поверить в волшебство?

Вокруг нее создано столько мифов, что хватило бы на сотню голливудских актрис и европейских принцесс. Где же правда? Какой она была на самом деле? Наверное, это каждый должен решить сам. Благо, жизнь Грейс – открытая книга. Она никогда не отказывалась от своего прошлого и не скрывала ни хороших своих поступков, ни дурных.

- Я – Грейс Келли
  - ○
  - ○

Я – Грейс Келли
Составитель Е. Мишаненкова

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Грейс Патриция Келли родилась 12 ноября 1929 года в Филадельфии в семье богатого промышленника, в прошлом трехкратного олимпийского чемпиона, Джека Келли и его красавицы-супруги Маргарет (в девичестве Майер), тренировавшей женскую команду по плаванию Пенсильванского университета.

Биографы и обычные сплетники создали такое количество легенд вокруг супругов Келли и их дочери, что теперь уже нелегко бывает отделить правду от вымысла. А когда это все-таки удается, то с удивлением понимаешь, что реальная история этой семьи настолько необычна и удивительна, что рядом с ней меркнут любые выдумки.

Впрочем, к созданию этих легенд в немалой степени приложил руку и сам Джек Келли. Не зря журналисты любят рассказывать о том, как он, десятый сын бедных ирландских эмигрантов, благодаря упорному труду и собственным талантам осуществил «американскую мечту» – много работал простым каменщиком и в конце концов стал миллионером.

С одной стороны, все это – чистая правда. С другой – откровенная ложь. Все зависит от того, как эту историю рассматривать.

Да, родители Джека Келли, Джон Генри Келли и Мэри Анна Костелло, на самом деле приехали в Америку из Ирландии в поисках лучшей доли, он в 1869 году, а она в 1867-м. И у них действительно родилось десять детей, одним из которых был Джон Брендан Келли, появившийся на свет в 1889 году и обычно именуемый просто «Джек». Но вот дальше начинаются расхождения с официальной легендой.

Несмотря на десяток детей, дед Грейс Келли вовсе не бедствовал.

Миллионером он не был, но благодаря хорошей деловой хватке и немалой доле удачи сумел сколотить небольшое состояние на торговле страховками и помог двум своим сыновьям, Патрику и Чарльзу, основать собственный

строительный бизнес. Именно в их фирме и начал свою трудовую деятельность будущий промышленник Джек Келли.

Спору нет, он не был белоручкой, не родился с серебряной ложкой во рту и на самом деле сразу после школы пошел работать каменщиком-подмастерьем. Но не от безысходности, а потому что считал этот путь более подходящим для себя, чем что-либо другое, и не где-нибудь у злобных хозяев-капиталистов, а у родных братьев, которые не особо его перегружали. А два других брата, Джордж и Уолтер, потом, когда он решил отделиться и открыть собственное дело, одолжили ему на это семь тысяч долларов – немалые по тем временам деньги.

Кстати, Джордж, ставший известным драматургом, впоследствии любил посмеиваться над несколько пафосной легендой Джека о том, как он выбился из грязи в князи. Он утверждал, что мозоли, о которых так любил говорить его младший брат, были вовсе не от тяжелого труда, а от того, что он все свободное время проводил на реке, занимаясь своей обожаемой греблей.

Пусть горе, слезы, потери — они даже придают оттенок благородства, терпения... Но злоба завистливая! Она проклятая, как тьма в глазах, обесцвечивает все вокруг. А женщину она старит, уродует, иссушает.

Гребля занимала в жизни Джека одно из первых мест и повлияла на всю его жизнь и жизнь его детей.

Он вообще был отличным спортсменом. Во время Первой мировой войны служил в армии (откуда потом демобилизовался в чине лейтенанта) и был известен как не знающий поражений боксер-тяжеловес. В 1919–1920 годах он в составе Холмсбургского спортивного клуба выигрывал Филадельфийский городской чемпионат по футболу.

Но главное место в жизни молодого Джека Келли занимала гребля. К 1920 году он был уже шестикратным чемпионом США и метил гораздо выше – его мечтой было померяться силами с самыми знаменитыми гребцами мира в Королевской регате Хенли.

Джек Келли послал заявку на участие в регате, но британские снобы ответили ему отказом, сообщив, что простонародью, занимающемуся физическим трудом, запрещено участвовать в Королевской регате. «Бриллиантовые весла» – награда, присуждаемая победителю Королевской регаты среди одиночников, так и остались для него недостижимой мечтой.

В 1920 году он решил взять реванш другим способом и отправился в Антверпен на Олимпийские игры, которые с блеском выиграл в состязании одиночников и на двойках. Семейная легенда Келли гласит, что после победы Джек упаковал свою кепку, в которой он выиграл золото, и отправил ее по почте английскому королю Георгу V с запиской: «Привет от каменщика».

Никогда не брать от жизни все, ничего не отдавая взамен. Все должно быть заработано благодаря упорному труду, настойчивости и честности.
Девиз Джека Келли

Джек относился к Голливуду с подозрением и пренебрежением, хотя два его брата и сестра выбрали именно актерскую профессию.

Сестра звалась Грейс, она рано умерла, но, вероятно, в честь нее Джек и назвал свою младшую дочь. Что же касается братьев, то старший – Уолтер – был комедийным актером и сделал неплохую карьеру на сцене и в кино, пусть и несравнимую, конечно, с карьерой его блистательной племянницы. В 1919 году он уже был достаточно успешным актером, поэтому именно он

одолжил Джеку пять тысяч долларов на открытие бизнеса.

Еще две тысячи дал другой брат – Джордж, который был всего на два года старше Джека и еще только-только начинал приобретать известность. Он поначалу тоже был актером, как Уолтер, а в 1923 году написал пьесу, которая имела успех и вдохновила его на дальнейшую работу. В 1926 году он был уже знаменитым драматургом, а его пьеса «Жена Крейга» получила Пулитцеровскую премию как лучшая драма года.

Вероятно, именно благодаря ему Грейс задумалась о том, чтобы стать актрисой. Он показал ей мир, где деньги можно зарабатывать не только строительством, как отец, но и словами, образами, игрой, лицедейством. К тому же именно у него она переняла речь, походку, манеры, да и весь свой сдержанно-аристократический стиль поведения. Джордж учил племянника и племянниц правильно говорить, читал им стихи и вообще был для них тем образцом джентльмена, которого рады принять в любом хорошем доме.

У животных не увидишь, чтобы самцы заботились о потомстве. Это против природы. Это женская прерогатива – обязанность и привилегия.

Джек Келли безраздельно царил в трехэтажном каменном особняке № 3901 по Генри-авеню, построенном им для своей семьи в самом престижном квартале Филадельфии Ист-Фоллз.

Ему нипочем были банковский кризис и Великая депрессия. Он не доверял банкам, поэтому почти ничего не потерял. В то время как его соседи один за другим разорялись, Джек мог позволить себе держать шофера, секретаря, повара и нескольких горничных. А когда к власти пришел Рузвельт, в партии которого у Джека было немало друзей, его дела и вовсе пошли прекрасно. Он умел нравиться людям и умел использовать связи. Но при этом даже недоброжелатели не могли обвинить его в коррупции – он разбогател на правительственных заказах, но работы его компания всегда выполняла безукоризненно. Да и в благотворительности он активно участвовал, и, будучи рьяным католиком, строил церкви по себестоимости, ничего на этом не

зарабатывая.

Любопытная деталь – Джек Келли послужил прототипом бизнесмена Джорджа Китриджа в пьесе Филиппа Барри «Филадельфийская история». По этой пьесе в 1940 году был поставлен знаменитый фильм с таким же названием и множеством звезд в главных ролях. А в 1956 году пьесу экранизировали еще раз уже в виде мюзикла под названием «Высшее общество», и главную женскую роль там исполняла Грейс Келли. Вот так своеобразно круг замкнулся – Грейс сыграла невесту персонажа, списанного с ее собственного отца.

Неудивительно, что такой идеальный гражданин, как Джек Келли, со временем стал еще и политиком.

Его избрали в городской совет, и он даже стал лидером местного отделения демократической партии. Правда, стать мэром ему не удалось, Филадельфия всегда была республиканским городом, и демократам там было не на что

надеяться. Но возможно, он не слишком к этому и стремился – для человека, который не собирается делать большую политическую карьеру, такая работа приносила больше хлопот, чем выгод.

К тому же была у Джека Келли одна слабость, которая сильно повредила бы ему, выбери он политическую карьеру. Дело в том, что он был большим любителем женщин. Он был хорош собой, его прекрасной фигурой восторгались даже газетчики – естественно, он очень нравился женщинам. И они ему тоже нравились. Еще одна их популярная семейная легенда гласит, что однажды Джек к какому-то празднику купил двадцать семь одинаковых косметических наборов и разослал их по двадцати семи разным дамам.

Ну а жена… закрывала на это глаза, поскольку семью Джек бросать не собирался, деньгами не сорил, да и вообще у него, как у главы семьи, не было других недостатков. К тому же Маргарет Келли была не из тех женщин, которые безумно ревнуют мужей и устраивают скандалы. Она требовала к себе уважения и получала его от супруга сполна. Ее никогда не раздирали бурные страсти. Вероятно, такое несходство характеров и сделало их такой крепкой, можно даже сказать, идеальной парой.

Мне в жизни повезло, у меня есть деньги, я должна помогать тем, у кого их нет. Это мой долг. Не потому что я хорошая, а потому что это мой долг.

Маргарет Кэтрин Келли, в девичестве Майер, была американкой в первом поколении, как и ее муж.

Она родилась в Германии, в провинции Баден-Вюртемберг, в декабре 1898 года. Ее родители – Карл и Маргарет Майер – приехали в Филадельфию вскоре после рождения дочери.

С Джеком Келли они впервые встретилась еще в 1913 году на соревнованиях по плаванию. Но тогда она была еще слишком молода для романа. И уж тем более Маргарет не пошла бы замуж за парня без особых достижений и перспектив.

Совсем другое дело – олимпийский чемпион и владелец собственной пусть пока и небольшой компании. Но и тогда Маргарет особо не торопилась. Она хотела получить образование и училась в Темпльском университете по специальности «преподаватель физического воспитания». Во время учебы она немного подрабатывала фотомоделью и вполне могла бы стать

профессиональной манекенщицей.

В 1921 году она окончила университет, получила степень бакалавра и устроилась на работу в медицинский колледж Пенсильванского университета – вести физкультуру у девушек. Кроме того, она стала первым в истории колледжа тренером женской спортивной команды.

Под ее руководством была создана женская баскетбольная сборная, которая уже за первый год провела восемь успешных матчей с командами других университетов. На следующий год появились сборные еще по нескольким видам спорта, а потом Маргарет начала кампанию по сбору средств на строительство теннисного корта.

Я была мечтательным ребенком с богатым воображением. Я никогда не доставляла неприятностей своей матери. Обычно я была где-то рядом с ней, в уголке, разговаривая сама с собой и играя в свои игры. Мои дети ведут себя так же. Они, обыкновенно, играют возле меня. Я даже не прислушиваюсь к ним, но знаю, что они рядом. Для меня это, как фоновое музыкальное сопровождение.

В 1924 году Маргарет покинула работу, поскольку наконец согласилась выйти замуж за Джека Келли.

Перед свадьбой она перешла в католичество, ведь она ничего не делала наполовину, но хорошей католичкой это ее не сделало, она никогда не упускала случая съязвить по поводу каких-нибудь церковных догм, казавшихся ей смешными или глупыми.

Дети Джека и Маргарет дружно вспоминали, что у их матери был железный характер и вообще она была женщиной властной, суровой и требовательной. Сын даже потихоньку называл ее «моя прусская матушка», а знакомые также потихоньку «леди-босс». Особой любовью детей она никогда не пользовалась, но они ее уважали и слушались, что ее вполне устраивало. Она строго требовала от всех выполнения их обязанностей и тщательно выполняла свои.

Первого ребенка Маргарет родила через год после свадьбы – в 1925 году. Это оказалась девочка, которая получила имя в честь матери – Маргарет Кэтрин. Впрочем, звали ее все Пегги, под таким именем она и фигурирует во всех книгах, посвященных биографии ее младшей сестры. Вслед за Пегги в 1927 году на свет появился Джон Брендан-младший, прозванный Келлом. И наконец 12 ноября 1929 года родилась Грейс Патриция Келли. Почти четыре года она была младшим ребенком в семье, однако в 1933 году их семью ждало последнее пополнение – Элизабет Энн, которую в семье обычно именовали Лизанной.

Маргарет управляла семьей железной рукой, и все дети ей безоговорочно подчинялись.

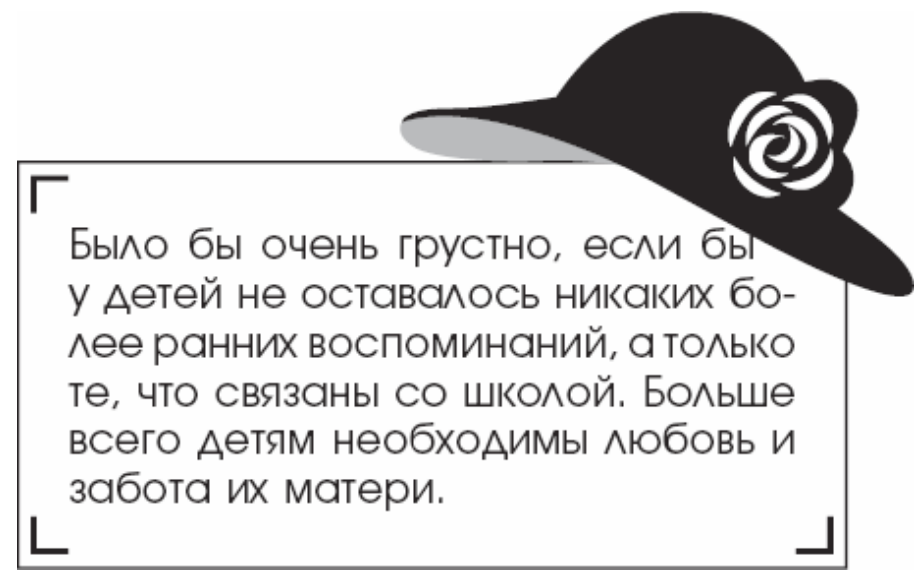
Да и муж старался лишний раз не возражать, передав все домашние дела под ее руководство. Она умела сочетать полное соблюдение внешних приличий с жесткой экономией.

Она сама стригла дочерей и одевала их в приличные и

практичные платья, которые потом, по мере того, как девочки росли, переходили от старших к младшим. С самого детства она учила их домоводству и всякому женскому рукоделию. Пегги впоследствии вспоминала, что они никогда не сидели без дела, в руках всегда должно было быть какое-нибудь рукоделие. «С трех или четырех лет мы были обязаны работать спицами или крючком», – говорила она и добавляла, что это естественно для немецких девочек, а мать их именно так и воспитывала – как было принято в Германии.

К порядку дети приучались жесткими мерами – за мелкую провинность могли получить оплеуху, а за то, что, например, бросили одежду, а не повесили ее аккуратно в шкаф, их штрафовали, вычитая деньги из суммы, выдаваемой на карманные расходы.

Выйдя замуж, Маргарет покинула работу, но заниматься общественной деятельностью не перестала и временами привлекала к ней детей. Так, например, собирая пожертвования для колледжа, она устраивала благотворительные показы мод с участием своих дочерей и цирковые представления, где Пегги изображала жонглера, Келл – силача, а Грейс – канатную плясунью.


Было бы очень грустно, если бы у детей не оставалось никаких более ранних воспоминаний, а только те, что связаны со школой. Больше всего детям необходимы любовь и забота их матери.

Семья Келли со стороны производила впечатление идеальной.

Но на самом деле как не были такими уж прекрасными отношения между Джеком и Маргарет, так и взаимоотношения детей с родителями и друг с другом тоже были далеки от идеала.

Племянник Джека Келли, Чарльз, как-то сказал, что никто из Келли не может создать нормальную семью, потому что они умеют только подчинять.

Как это обычно бывает в семьях, где детей воспитывает суровая мать, а обаятельный отец занят своими делами и лишь иногда удостаивает отпрысков вниманием, Пегги, Келл, Грейс и Лизанна обожали отца, а мать только слушались. Джек Келли был для них кумиром, их солнцем, образцом для подражания и последней инстанцией в любых вопросах. Они постоянно соперничали за его любовь и изо всех сил старались привлечь его внимание.

Способы они для этого выбирали разные, но если смотреть в целом, то картина получается такая.

Пегги – любимица отца, единственная, кому не приходилось бороться за его любовь, он ее и так обожал.

Келл – единственный сын, наследник фамилии и продолжатель отцовского дела, именно он должен был воплотить в жизнь то, чего не удалось добиться самому Джеку Келли, и с самого детства он прикладывал к этому все усилия.

Грейс – самая слабенькая из детей, ребенок, которому всегда были нужны забота и защита.

Лизанна – младшенькая, и этим все сказано, ее баловали больше других, как обычно балуют младших.

Отец всегда любил старшую из нас. А потом еще мальчишку, единственного сына. А потом появилась я, а вслед за мной – моя младшая сестра. Я ужасно ее ревновала.

Тяжелее всех приходилось Келлу – на нем с детства лежало тяжелое бремя продолжателя отцовского дела.

Джек Келли так и не забыл пережитого унижения, когда ему было отказано в участии в Королевской регате. «Бриллиантовые

весла» так и остались для него несбыточной мечтой.

Поэтому Келл рос с убеждением, что победа в Королевской регате – это его священная миссия, только осуществив ее, он станет достойным своего великого отца. Он тренировался чуть ли не с младенчества – сначала был у отца пассажиром, потом рулевым, потом греб с ним в паре и наконец перешел к одиночной гребле.

Многим друзьям и родственникам Джека Келли казалось, что он несколько перегибает в стремлении сделать из сына второго себя. Некоторые даже пытались сказать ему это, но все было бесполезно – он привык всегда добиваться своей цели. И он добился – Келл дважды выиграл «Бриллиантовые весла»: в 1947 и 1949 годах.

А получил ли он то, что хотел – любовь и признание отца? В какой-то степени, вероятно, да, ведь Джек Келли был на самом деле счастлив, что сын осуществил его мечту. Вот только когда у Келла родилась дочь, отец (видимо из самых лучших побуждений, желая утешить его, ведь он хотел сына) сказал: «Не бери в голову, сынок. Моей главной радостью в жизни всегда была Пегги».

Можно только догадываться, как себя в тот момент чувствовал Келл, всю жизнь положивший на алтарь отцовских амбиций и мечтаний.

Мужчина по природе своей ленив. Если бы все женщины имели профессию, мужчины сидели бы дома, пили пиво и таращились в телевизор.

Пожалуй, из всех детей Джека Келли именно Пегги была на него больше всего похожа, не зря он так ее обожал.

Она росла высокой, сильной, ловкой и очень спортивной. Со временем она стала прекрасной пловчихой. В отличие от брата и сестер она почти ничего не унаследовала от матери ни в плане внешности, ни в плане характера и не поддалась ее немецкому воспитанию.

К тому же с ней у Джека Келли было связано одно из самых сентиментальных воспоминаний – как он с шестимесячной дочкой на руках гордо переступает порог своего нового большого дома. Тогда в его душе смешались гордость бизнесмена, которому удалось многого добиться, и отца, который сумел обеспечить своему ребенку достойную жизнь. Он очень часто вспоминал этот эпизод и каждый раз с нежностью смотрел на свою Пегги, которая подарила ему один из самых приятных моментов в его жизни.

Пегги была такой же, как ее отец: деловой, проницательной и в то же время острой на язык, бесшабашной и сумасбродной. Она считала себя настоящей ирландкой, поэтому правила для нее были не писаны. Но в то же время она была настоящей Келли и очень хорошо умела подчинять себе людей – Грейс испытала это на себе и в детстве, и уже будучи взрослой, когда именно Пегги приезжала от имени семьи присматривать за ней и контролировать ее поведение.

Самой младшей среди детей была Лизанна, и она была типичной младшенькой в семье.

Ей позволяли то, за что ее сестер и брата в свое время ругали,

от нее меньше всех требовали, зато больше всех баловали. Когда она родилась, даже Грейс было уже почти четыре, а уж с Пегги ее и вовсе разделяло целых восемь лет. К тому времени родители почти забросили все эксперименты с воспитанием детей (не считая их приобщения к спорту, конечно) и позволили младшей дочери расти как ей вздумается. А для того чтобы участвовать в благотворительных мероприятиях матери, она была слишком мала, так что ей и их удалось в основном избежать.

При этом, надо сказать, Лизанна не была девочкой-цветочком. По характеру она больше походила на упрямую Пегги, чем на покладистых Келла и Грейс. Она быстро росла, была физически крепкой и неохотно слушалась старших. Это очень расстраивало Грейс, которая сама была тихой послушной девочкой и всегда выполняла то, что ей приказывала Пегги, а теперь ждала того же от младшей сестры по отношению к себе.

Впрочем, если Лизанна ее не слушалась, то уж она Лизанну тем более – в будущем их детские взаимоотношения еще скажутся, и когда семье надо будет повлиять на Грейс, усилия младшей сестры окажутся бесполезными и родителям придется отправлять к ней Пегги.

В детстве я была ужасно застенчивой. Настолько застенчивой, что пыталась забиться куда-нибудь в угол, чтобы только не попадаться другим на глаза.

Грейс Келли всегда была примерным ребенком.

Ее не тяготил материнский диктат, и она с легкостью стала той самой примерной «немецкой девочкой», какую Маргарет Келли пыталась воспитать из всех своих дочерей.

Было это послушание частью истинного характера Грейс или она таким образом старалась заслужить любовь матери – трудно сказать. Скорее всего верно и то и другое. С одной стороны, она на самом деле была послушной девочкой и оставалась таковой

еще много-много лет. Даже став звездой и любимицей всего мира, она беспрекословно слушалась родителей, решавших, за кого она может выйти замуж, а за кого нет.

Но с другой стороны – Грейс с детства была очень наблюдательной, умной и несколько себе на уме. О своих отношениях с братом и сестрой она говорила: «Мы всегда соревновались между собой. Соревновались буквально за все, и особенно – за любовь». И конечно, она не могла не видеть, что Пегги – любимица отца, что Келл – его надежда и что Лизанну балуют потому, что та самая маленькая. Значит, и ей надо было найти что-нибудь, за что ее будут любить и баловать.

Возможно, будь Грейс такой же бойкой, как Пегги, она попробовала бы превзойти сестер в спортивных достижениях – родители это уважали и, несомненно, заметили бы. Но она была слишком тихой, замкнутой и отстраненной, чтобы открыто привлекать к себе внимание. Да и спорт она не очень любила, а в основном делала вид, чтобы не разочаровать родителей.

...Она (Грейс) была милым и таким прелестным ребенком, что порой мне хотелось, чтобы она никогда не становилась взрослой, – в ней всегда было нечто, отличающее ее от других. Пегги, Джон-младший и Лизэнн были экстравертами, Грейс была застенчивой и склонной к уединению.
Маргарет Келли

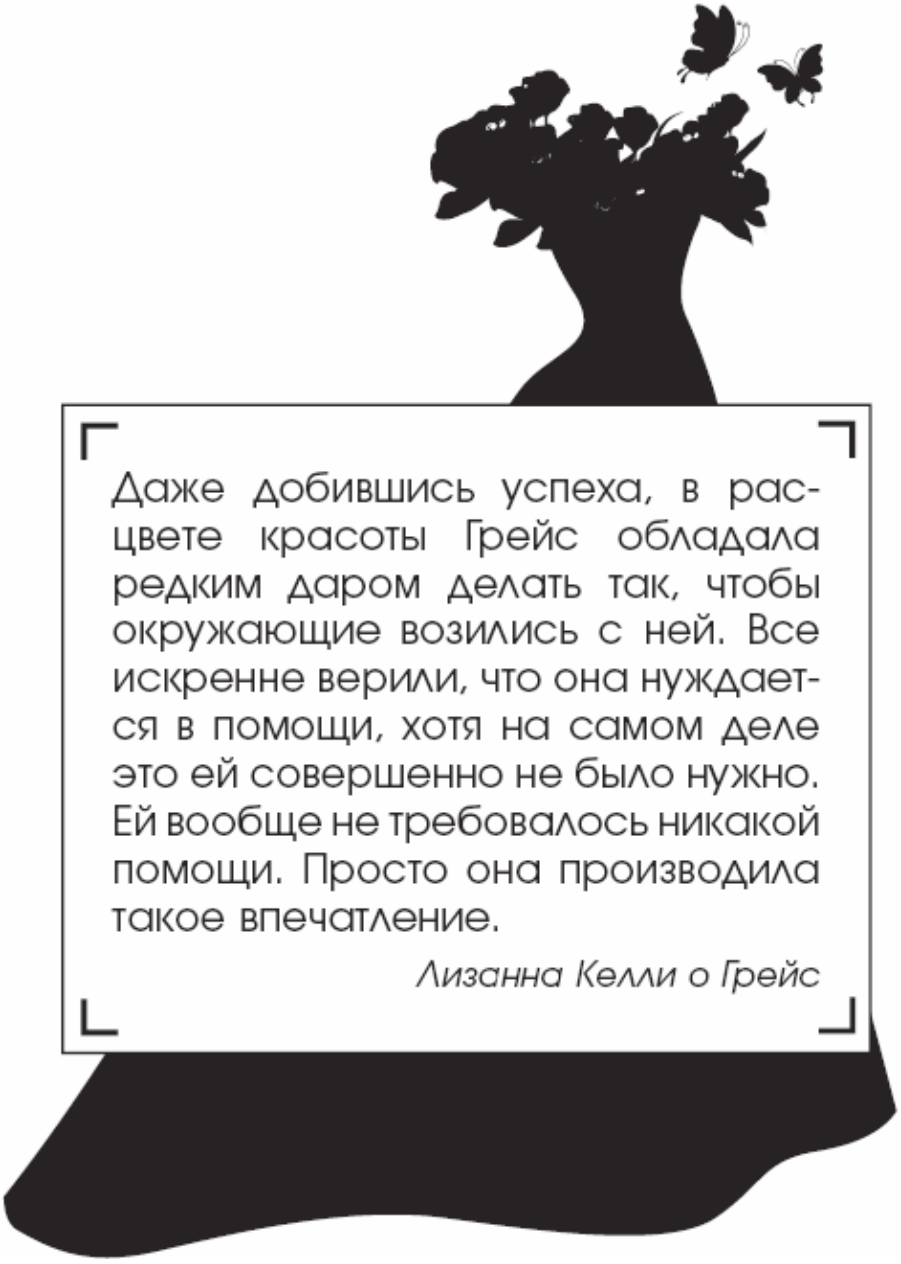
Для того чтобы привлечь внимание родителей, Грейс выбрала окольный путь.

Джек и Маргарет Келли и сами не заметили, как она стала для них самой слабенькой и хрупкой из их детей. Она держалась позади всех, то и дело разбивала коленки, была страшно неуклюжей и постоянно шмыгала носом. Поэтому ее все жалели,

не нагружали лишний раз, беспокоились о ней, и вскоре ей стало доставаться больше забот и лакомств, чем даже младшенькой Лизанне. На что уж Маргарет была «прусской матушкой», но и она обращалась с Грейс мягче, чем с остальными детьми, жалея своего маленького неуклюжего «гадкого утенка».

«Мне всегда хотелось оберегать Грейс, – рассказывала она впоследствии, вспоминая детские годы своей знаменитой дочери. – Наверное, она привлекала мужчин к себе тем же самым, чем и меня. Каждый мужчина, который знал ее, начиная с пятнадцати лет, хотел взять ее под крыло».

Что ж, скорее всего Маргарет была права в своей оценке. Грейс научилась быть беспомощной, чтобы ее больше любили, и ей это очень пригодилось в жизни. Да и не только это. Воспитание, полученное Грейс, и вся атмосфера, в которой она провела детские годы, научили ее многим полезным в жизни вещам.


Даже добившись успеха, в расцвете красоты Грейс обладала редким даром делать так, чтобы окружающие возились с ней. Все искренне верили, что она нуждается в помощи, хотя на самом деле это ей совершенно не было нужно. Ей вообще не требовалось никакой помощи. Просто она производила такое впечатление.
Лизанна Келли о Грейс

Грейс знала, что всегда надо производить впечатление человека, уверенного в себе, спокойного и респектабельного.

И не важно, что ты при этом чувствуешь на самом деле.

Именно так всегда выглядели ее родители, и никому из посторонних людей и в голову не пришло бы, что Джек постоянно крутит романы, а Маргарет об этом знает. Такой же будет и Грейс – воплощенная респектабельность, благородная леди среди скандальных голливудских актрисулек. С виду, конечно, но для

репутации только это и требуется.

Постоянная борьба за внимание жесткой требовательной матери и обаятельного самоуверенного отца научила Грейс другому важному умению – быть такой, какой ее хотят видеть. Для матери она была послушной «немецкой девочкой», для отца – его хрупкой очаровательной «принцессой».

Эта ее способность подобно хамелеону подстраиваться под любое окружение и становиться такой, какой ее желают видеть именно здесь и именно сейчас, впоследствии поражала и восхищала как режиссеров, так и журналистов. Она не играла роли, она жила в них, верила в тот образ, который изображала, – не важно, на сцене, на съемочной площадке это происходило или в жизни.

Ее мастерство перевоплощения достигло небывалых высот – несмотря на ее яркую запоминающуюся внешность, люди нередко не узнавали ее при новой встрече, настолько другим человеком она могла выглядеть.

Знаменитая холодноватая отстраненность Грейс Келли тоже родом из детства.

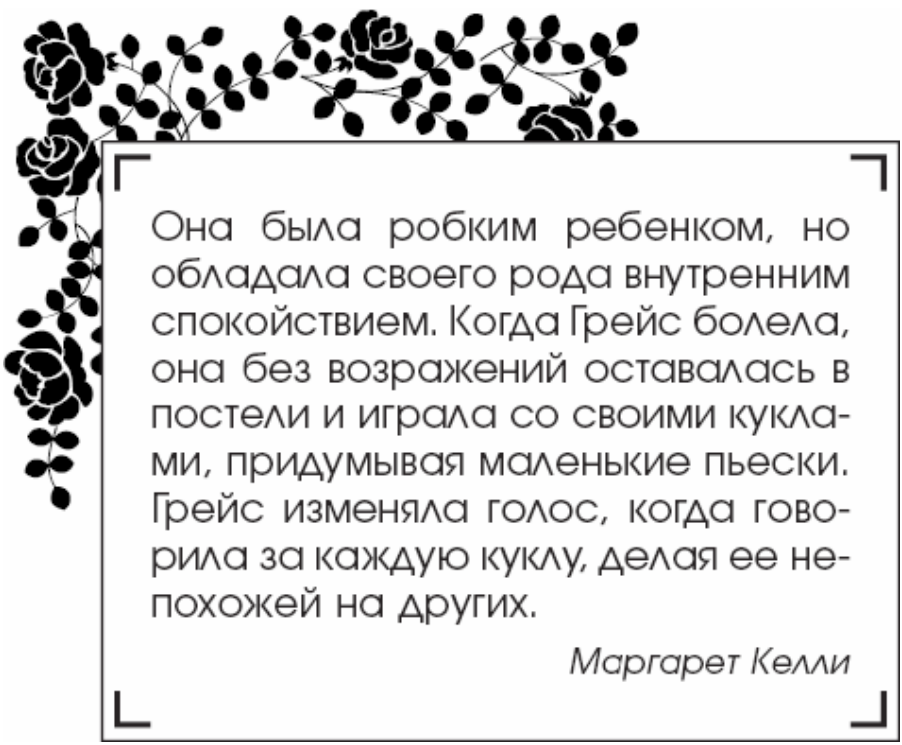
Тут сказались и чопорное материнское воспитание, и влияние дядюшки Джорджа, который всегда держался особняком и производил впечатление настоящего аристократа. Но в основном дело в одиночестве. Будущая актриса росла в большой семье, но с детства была очень одинока, как бывают одиноки не слишком

любимые дети эгоистичных родителей, к тому же сильно отличающиеся от своих братьев и сестер.

Бывшие друзья и приятели вспоминали, что она любила быть одна и самым лучшим обществом для нее были куклы. Она не только наряжала их, как другие девочки, но разыгрывала с ними целые спектакли, которые совершенно не стремилась показывать ни родным, ни друзьям. Более того, она даже разговаривала с куклами на каком-то ею самой придуманном языке, который больше никто не понимал.

Однажды своенравная Лизанна за что-то разозлилась на сестру и заперла ее в чулане, где та как раз играла со своими куклами. Спустя несколько часов кто-то заметил, что Грейс давно не видно, ее начали искать и обнаружили, что она продолжает играть с куклами, а главное – даже не заметила, что ее запирали и что несколько часов она провела в одиночестве.

Много лет спустя, когда Грейс была уже принцессой Монако, все та же неугомонная Лизанна обнаружила в ее дворце ящик… с ее детскими куклами. Теми самыми, с которыми она играла в детстве. Грейс не только сохранила их, но и привезла с собой через Атлантический океан, чтобы они были с ней в ее новом доме.


Она была робким ребенком, но обладала своего рода внутренним спокойствием. Когда Грейс болела, она без возражений оставалась в постели и играла со своими куклами, придумывая маленькие пьески. Грейс изменяла голос, когда говорила за каждую куклу, делая ее непохожей на других.
Маргарет Келли

Осенью 1934 года родители решили, что пора Грейс получать образование.

Ее отдали в Академию Успения Пресвятой Богородицы в приходе святой Бригитты – солидную католическую школу с хорошей репутацией.

Именно там развились и закрепились как лучшие, так и худшие черты характера Грейс. И это хорошо заметно уже хотя бы по тому, что сестры-монахини запомнили ее тихой, послушной и религиозной девочкой, а одноклассницы – чертенком в юбке, участвовавшим во всех проказах и тайком дымившим запретной сигареткой на заднем дворе школы.

Академия Успения Пресвятой Богородицы была элитным учебным заведением, что, несомненно, тоже повлияло на решение Джека Келли отдать туда свою дочь. Там училось около сотни девочек, а присматривали за ними два десятка монахинь. Обучение было организовано на европейский манер, все учителя говорили с оксфордским или кембриджским акцентом, и девочки выходили оттуда с умением говорить и писать как настоящие леди.

Все было подчинено воспитанию дисциплины, хороших манер и благонравия. Сестры следили за тем, как девочки ходят, носят одежду, держат столовые приборы, как разговаривают друг с другом.

К тому же в монастырской школе, как это ни парадоксально, можно было узнать о мире и о людях из других стран куда больше, чем в любой другой американской школе. Католичество – религия, не знающая границ, поэтому в академии даже выходил журнал, рассказывающий о международных новостях. В то время как большая часть американцев была уверена, что надвигающаяся война их не касается, ученицы монастырской школы уже знали, что она касается каждого человека.

Я – не экстраверт, но и не отношусь к людям недоброжелательным. Мне не свойственны повышенная эмоциональность и чрезмерная общительность, но не люблю читать о себе, что я – бесчувственная и необщительная. Я не считаю себя такой.

Для большинства людей монастырская школа – это какое-то мрачное заведение казарменного типа, где в несчастных детей вбивают религиозность и послушание.

И конечно, ореол такого мученичества добавил бы образу Грейс Келли дополнительные краски. Но как бы ни были этим разочарованы любители сенсаций и драм, Академия Успения Пресвятой Богородицы не была ни казармой, ни тюрьмой. Дисциплина там была не жестче, чем в других закрытых школах, а воспитывать монахини предпочитали молитвами и внушениями, а не розгами или карцером.

Пожалуй, в академии Грейс чувствовала себя даже комфортнее, чем дома. Сестры-монахини искренне любили своих воспитанниц. К тому же они были полностью лишены эгоизма, отличавшего Джека и Маргарет Келли. В школе Грейс наконец-то смогла почувствовать себя не чужой, а вполне нужной и любимой.

Она приходила в восторг от красивых церемоний и от того, с какими просветленными лицами монахини их совершали. Их искренность и вера сильно контрастировали с обстановкой лицемерия, к которой она привыкла в родном доме. Академия осталась в ее памяти как чудесный и невинный мир, где она играла в прятки, ела вкусные пирожки и чувствовала себя счастливой.

Отец забрал ее оттуда после восьмого класса, поскольку

считал, что в школе недостаточно хорошо преподают физкультуру. Но Грейс никогда не теряла связи с монахинями – она писала им письма, поздравляла с Рождеством, просила совета, причем не только пока была подростком, но и потом, став взрослой самостоятельной женщиной.

Когда жарко и солнечно, я впадаю в уныние. У меня возникает ощущение усталости. Ничего не хочется делать. Обычно я сижу дома до захода солнца. Гуляю я только в вечернее время.

Училась Грейс довольно средне.

Способности к наукам у нее были довольно скромные, но

мать Доротея вспоминала о ней с одобрением, как о вежливой, любознательной и со всех сторон положительной девочке.

Можно сказать, что результат обучения в академии был для Грейс Келли скорее воспитательный, чем образовательный. Знания не особо задерживались в ее голове, а вот хорошие манеры, привитые монахинями, остались навсегда. Плюс к тому из школы она вышла с твердой уверенностью в правильности католицизма. Родители у нее не были особо религиозными, особенно, конечно, мать, бывшая протестантка. Отец тоже был скорее формальным католиком, чем искренне верующим (что не мешало ему ревностно соблюдать обряды и требовать того же от всех членов семьи). Для Грейс же двойственность католицизма, позволявшего сколько угодно грешить, если после этого искренне раскаешься, оказалась поистине близка. Это была ее религия, ее мировоззрение, которое могло успокоить разгоравшийся в ее душе конфликт между желанием жить, как ей нравится, и не менее сильным желанием угодить людям, которые ей дороги.

Монахини вспоминали, как пылко она исповедовалась в типичных детских грешках непослушания и мелкой лжи. А одноклассницы – как она с удовольствием проказничала, хихикала во время благословения, втихую курила за школой. Причем и там, и там она была совершенно искренней, такой уж двойственный был у нее характер.

Она обращалась к старшим предельно вежливо, словно была лично заинтересована в истине, а вовсе не для того, чтобы поймать кого-то на неточности. Она всегда была настроена весьма доброжелательно.
Мать Доротея о Грейс Келли

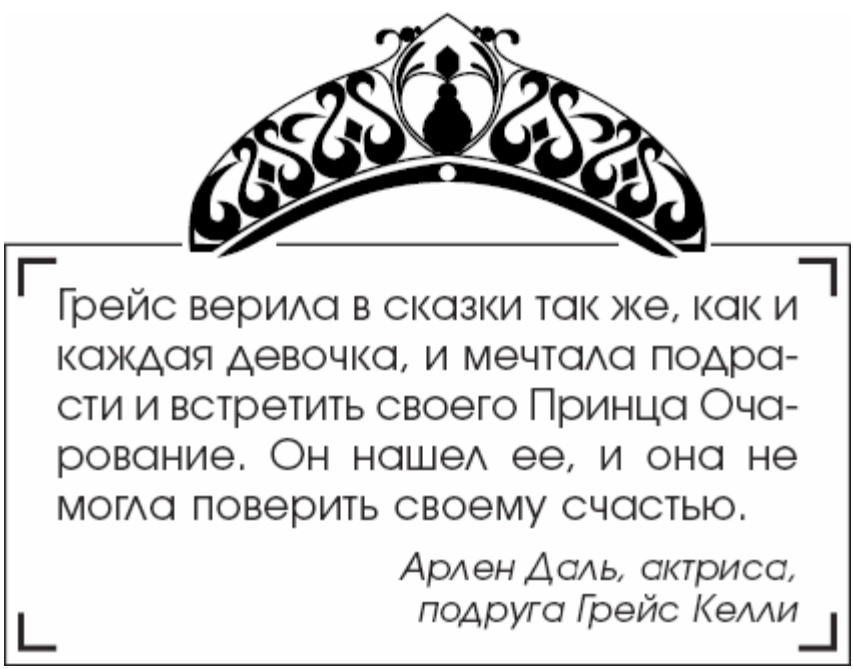
Фантазировать Грейс любила с детства.

Ее сестры вспоминали, что, еще будучи маленькой, она любила рассматривать журналы, выбирала самые красивые картинки и говорила, что вот так будет выглядеть ее дом, вот так – ее муж, вот так – ее дети, ее яхта, ее свадебное платье и т. д. Тогда они посмеивались над ее фантазиями, но Грейс это мало

заботило, она уходила в выдуманный мир и была там счастлива, что бы об этом ни думали окружающие.

Зимой 1940–1941 года она побывала на представлении русского балета и пришла в восторг – это было что-то волшебное и сказочное, словно ожившая фантазия. Грейс впервые поняла, что фантазии, которые крутятся где-то в голове, но которые невозможно реализовать на практике, можно выразить другим способом – через искусство. Она тут же занялась танцами и брала уроки до тех пор, пока к ее огромному разочарованию ей не объяснили, что балерины из нее не получится, потому что она слишком высокого роста. Пришлось переключиться на бальные танцы, хотя Грейс понимала – это уже не совсем то, что ей нужно.

Однако недолгие занятия балетом помогли ей серьезнее взглянуть на другое, более раннее увлечение. В Академии Успения Пресвятой Богородицы были очень популярны традиционные католические представления, разыгрываемые по различным праздникам. Грейс всегда участвовала в них с большим удовольствием, играла сначала ангелочков и пастушков, а со временем поднялась до главных ролей, в том числе и до самой престижной – Девы Марии.


Грейс верила в сказки так же, как и каждая девочка, и мечтала подрасти и встретить своего Принца Очарование. Он нашел ее, и она не могла поверить своему счастью.
Арлен Даль, актриса, подруга Грейс Келли

Грейс очень нравилось чувствовать себя на сцене другим человеком.

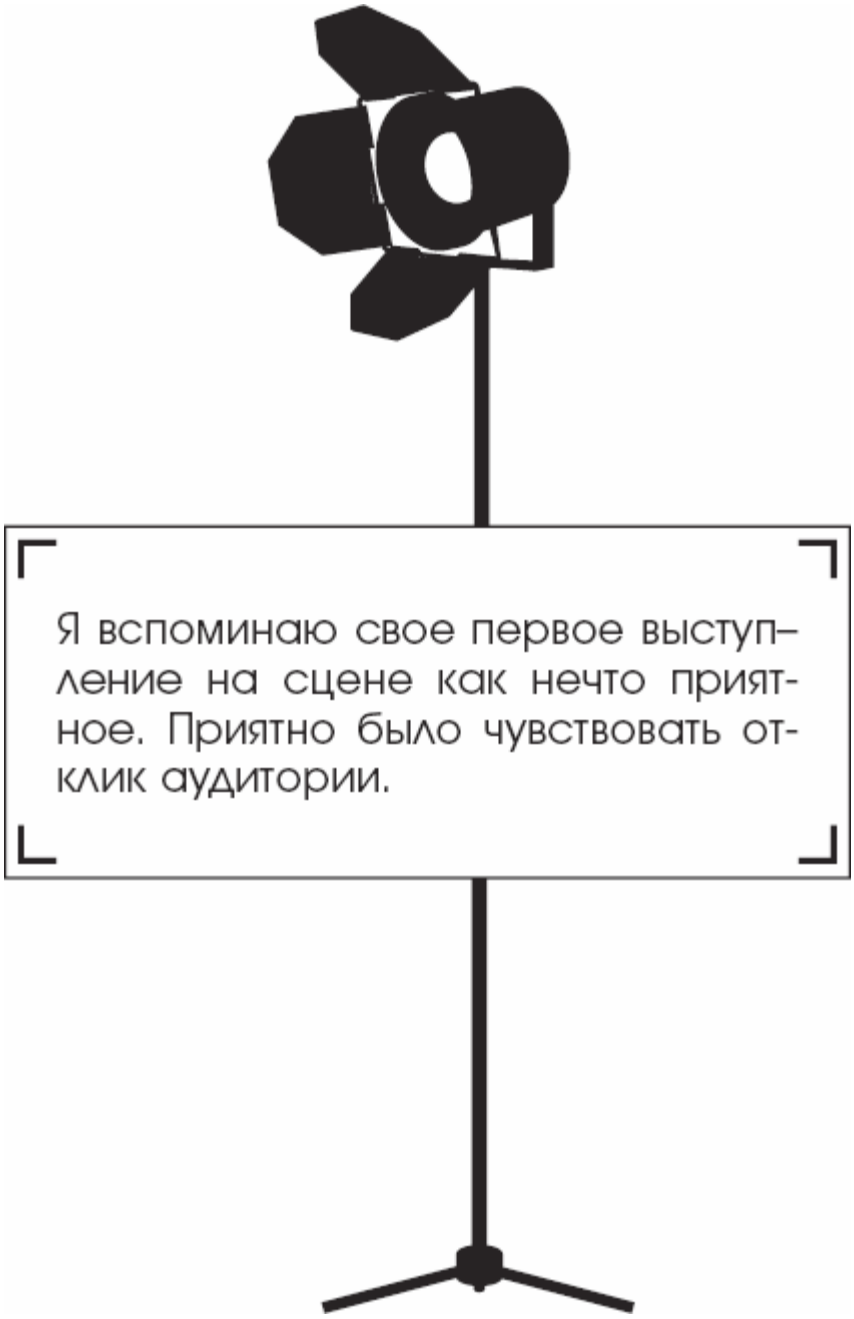
Там она больше не была неуклюжей, застенчивой и не слишком популярной девочкой, а почти на самом деле ощущала

себя тем героем, которого изображала. Но в школе развернуться было особо негде, и Грейс обратила взор на небольшую любительскую труппу «Лицедеи старой школы».

Это был период массового увлечения театром, и подобных трупп в Филадельфии было довольно много. В их состав входили в основном энтузиасты, организовывавшие спектакли на собственные средства и ради собственного удовольствия, поэтому Джек Келли не увидел ничего страшного в том, что его дочь тоже хочет в этом участвовать. Тем более что в труппу входили в основном жители района Ист-Фоллз, то есть соседи семьи Келли.

Так что в 1941-м Грейс Келли дебютировала на сцене старой школы, приспособленной самодеятельной труппой под любительский театр, в спектакле «Не корми зверей». Ей было двенадцать лет, но, по воспоминаниям членов труппы, она сразу поразила их своим профессионализмом, трудолюбием и пунктуальностью.

К четырнадцати годам Грейс была уже звездой этого маленького театра и ведущей актрисой труппы. Она играла Питера Пэна, Катарину в «Укрощении строптивой», ставила танцевальные номера. Ей прочили большую сценическую карьеру, и не только участники труппы «Лицедеи старой школы». К тому времени Грейс перевели в другую школу, и новые одноклассники, делая шутливые предсказания будущим выпускникам, написали в ее дневнике: «Будущая звезда радио и кино».



Когда Грейс было почти четырнадцать, отец перевел ее в старую и уважаемую частную школу для девочек из высшего общества – Стивенс Скул в Джермантауне.

По тамошней легенде, ее основательница потеряла жениха в войне между Севером и Югом, упала без чувств с лестницы, стала инвалидом и всю оставшуюся жизнь посвятила воспитанию

благородных девиц. В школе сохранилась даже та самая лестница, которую показывали гостям, рассказывая эту историю.

В этой школе учили тоже больше не знаниям, а хорошим манерам, только теперь уже с упором на то, что выпускницы со временем выйдут замуж за представителей аристократии и будут руководить большим домом. Их обучали тонкостям этикета и изящным манерам, ну а арифметика и прочие науки… в школе полагали, что настоящей леди они не слишком нужны, и глубоких знаний с девушек не требовали.

Грейс в то время мало напоминала блистательную принцессу Монако и звезду киноэкрана, которой ей предстояло стать. Маргарет Келли говорила, что в то время ее дочь была классическим «гадким утенком».

По воспоминаниям знакомых, она любила сладости, поэтому была довольно толстенькой, быстро вытянулась в длину и из-за этого стала очень неуклюжей, а вот грудь у нее никак не росла. Одноклассницы рассказывали, что она страшно комплексовала и то и дело массировала грудь, надеясь, что это поможет ей быстрее расти.

Был такой период между четырнадцатью и шестнадцатью годами, когда внешне она ровно ничего из себя не представляла: вечно хихикающая девчонка с писклявым, слегка гнусавым голоском. У нее всегда были проблемы с носом. От этого ее голос звучал как-то по-особенному. А так как она любила покушать, то это не преминуло сказаться на ее весе. Кроме того, Грейс страдала близорукостью и вынуждена была носить очки.

Маргарет Келли

Но время шло, и «гадкий утенок» на глазах у всех постепенно превращался в прекрасного лебедя.

К шестнадцати годам Грейс повзрослела достаточно, чтобы избавиться от подростковой неуклюжести, похудеть и обзавестись весьма привлекательными формами. Все остальное довершила наследственность.

Все дети Джона и Маргарет получили от родителей крепкое здоровье и правильные черты лица. Благодаря этому у них была отличная кожа, ровные крепкие зубы, стройные фигуры и красивые скульптурные лица. Любой из них с легкостью мог бы позировать для пропагандистских плакатов, являя собой пример идеального гражданина, строящего для своей страны светлое будущее.

Но безусловно, Грейс выделялась даже на фоне собственных братьев и сестер. У нее была прекрасная фигура и нежная, словно

светящаяся изнутри, кожа. Кроме правильности черт ей досталась еще утонченность, которой не хватало остальным членам ее семьи. Благодаря этому она выглядела не просто как крепкая здоровая американская девушка (что можно было сказать о ее сестрах), а как настоящая аристократка. Не зря всю последующую жизнь вокруг нее то и дело возникали легенды об ее знатных предках. Единственное, что выдавало ее неаристократическое происхождение, – это крупные руки, доставшиеся ей от многих поколений простых тружеников, зарабатывавших на жизнь тяжелым физическим трудом.

Привлекательности Грейс добавляла и ее великолепная осанка – тут помогли занятия танцами и уверенная манера держаться, которую она приобрела на сцене.

Я была такая неприметная, что меня приходилось снова и снова представлять одним и тем же людям, прежде чем меня наконец начинали узнавать. Я не производила ровно никакого впечатления.

Перейдя в новую школу, Грейс быстро научилась использовать все ресурсы, какие у нее были благодаря деньгам семьи Келли, чтобы привлекать к себе внимание.

«Она была из немногих девушек, у которых были собственные машины, – вспоминала ее школьная подруга Джейн. – С откидным верхом. У Грейс был, если не ошибаюсь, «Плимут» голубого цвета, который носился, аж дух захватывало. Каждый день мы ездили на хоккейные тренировки…» Судя по рассказам Джейн и других одноклассников, Грейс обожала быструю езду и обычно мчалась так, что подруги едва не визжали от страха. И эта привычка осталась у нее до конца жизни…

Грейс любила веселые шумные компании, всегда рада была

развлечься, посмеяться, потанцевать. Обычно они с подругами по субботам собирались в баре, где пили молочные коктейли – что-то более крепкое им было еще не по возрасту, а закон нарушать они не стремились. После бара они шли в кинотеатр, где Грейс, как вспоминали ее приятели, всегда готова была всплакнуть над сентиментальной сценой. Ее любимым актером был Алан Лэдд, звезда фильмов-нуар, а любимой актрисой – Ингрид Бергман, холодная и прекрасная «главная девственница Голливуда», с которой через какие-то несколько лет критики будут сравнивать восходящую звезду Грейс Келли…

Естественно, как только Грейс стала взрослеть и превращаться из неуклюжей толстушки в стройную красавицу, она сразу начала нравиться мальчикам.

А веселый нрав, бесшабашность и, конечно, машина с откидным верхом делали ее еще более привлекательной в их глазах. К шестнадцати годам у нее уже отбоя не было от

кавалеров.

Первым ее серьезным увлечением стал Чарльз Харпер Дэвис, учившийся в элитной школе «Пенн Чартер Скул» в одном классе с ее братом Келлом. Отец Харпера Дэвиса был местным дилером фирмы «Бьюик», так что более подходящего парня вроде бы и найти было нельзя. Яркий, популярный, богатый – он был мечтой любой местной девушки и отличной кандидатурой в женихи… но не для дочери Джека Келли. Он всегда строго контролировал все романы своих дочерей, и даже для своей любимицы Пегги не сделал исключения, когда она начала встречаться с неподходящим, по его мнению, молодым человеком. Что уж говорить о Грейс!

Джек Келли терпеть не мог отца Харпера Дэвиса и к тому же не желал отдавать дочь за протестанта, а он прекрасно видел, что этот роман того и гляди завершится свадьбой. В 1944 году Харпер Дэвис окончил школу и собрался на войну, поэтому они с Грейс вполне могли пожениться, никого не спрашивая. Поэтому Джек Келли решил, что пора положить конец этому роману, и потребовал, чтобы они расстались.

Грейс, конечно, расстроилась, но Джульетты из нее не получилось – возражать отцу она ни за что бы не решилась. Поэтому, когда Харпер Дэвис явился в следующий раз, он получил недвусмысленную отставку.

...Отношения между родителями и детьми стали более либеральными, более открытыми и свободными в наши дни. Один из позитивных факторов этого я вижу в том, что люди могут более открыто говорить о вещах, которые обычно старательно скрывались в прошлом. Процесс взросления никогда не был легким, не так ли?

Расставание с первой любовью далось Грейс нелегко, и после отъезда бывшего возлюбленного она, как говорится, «пустилась во все тяжкие»

Она больше не стала заводить себе постоянного кавалера и строить с ним какие-то совместные планы на будущее. Теперь ее ухажеры менялись едва ли не каждую неделю, не оставляя больше шрамов в ее душе. Тем более что ее отца это вполне устраивало. «Ты можешь назначать ей свидания, сколько твоей душе угодно, – прямо заявил Джек Келли одному из поклонников дочери, показавшемуся ему излишне рьяным. – Но не думай при этом, что ты на ней женишься». Судьбу своих отпрысков он собирался устроить сам, ну а пока не мешал им развлекаться. Лишь бы не шли против его воли.

И Грейс развлекалась. Причем так активно, что скоро стала считаться девушкой, с которой можно себе многое позволить. Подразумевался под этим петтинг – ручные ласки. А поскольку юноши, разумеется, хвастались своими «подвигами» в спортивных раздевалках, все были в курсе, какая девушка до чего позволяет доходить. Кто-то давал погладить ногу над чулком, кто-то залезть под блузку, а кто-то, как Грейс, и нечто большее. До секса дело,

конечно, не доходило, что впоследствии подтверждали и сами ее бывшие кавалеры, но все остальное она, по меткому выражению одного из них, «прошла от и до».

К тому времени, как Грейс окончила школу, она уже была той «снежной королевой», которую скоро предстояло узнать всему миру.

В кругу друзей она могла пошутить, похохотать, но на людях держалась с царственной холодностью, которая была, с одной стороны, результатом воспитания и привитых ей хороших манер, а с другой – следствием природной застенчивости, заставлявшей ее неуверенно чувствовать себя среди незнакомых людей.

Но как бы царственно она ни выглядела, все же она не была аристократкой, и вскоре после окончания школы ей напомнили, что она – всего лишь дочка разбогатевшего каменщика. Дело в том, что была у Грейс одна мечта, обычная в общем-то для юных девушек. Она хотела попасть на бал филадельфийской Ассамблеи. Это был самый старый и знаменитый в США бал, проводившийся еще с 1748 года, на нем собирался весь цвет общества, и все девушки города мечтали там побывать.

В любом другом городе США она непременно бы попала на бал. Но не в Филадельфии. Пожалуй, во всей стране не было другого такого сборища высокомерных снобов, ничуть не демократичнее тех, что когда-то не пустили Джека Келли на Королевскую регату. И хотя в Америке вроде бы была демократия, но для филадельфийского общества мало было быть олимпийским чемпионом и миллионером – каменщик для них всегда оставался каменщиком. И его дочери не место среди аристократических дебютанток. Так что Грейс Келли указали ее место, поселив в ее сердце ту же обиду, которая сжигала душу ее отца…

Я не считаю, что так отличаюсь от других. Порой мне кажется, что говорят о «моем стиле» потому, что в моей жизни мало что происходит и им больше не о чем говорить.

Но мечты мечтами, а надо было решать, куда поступать после окончания школы.

Родители в этом были не помощники – их в тот момент интересовал только Келл, который как раз готовился к Королевской регате. Год назад он занял только второе место и рухнул на финише почти замертво, но сейчас был практически уверен в победе. Вот-вот должна была сбыться многолетняя мечта Джека Келли, и ни до чего другого сейчас ни ему, ни Маргарет не было дела.

В июне семья Келли в полном составе отправилась в Англию, чтобы увидеть заветный триумф. Келл оправдал возложенные на него надежды – 5 июля 1947 года он обошел всех и, финишировав первым, получил-таки заветные «Бриллиантовые весла».

И только после триумфального возвращения в Филадельфию и торжественного обеда, данного в честь Келла мэром, Джек и

Маргарет вспомнили, что у них вообще-то есть еще и семнадцатилетняя дочь, которую надо куда-нибудь пристроить.

Сама Грейс хотела поступить в женский колледж Беннингтон, где очень хорошо преподавали танцы. Но туда было не так-то просто попасть – нужно было получить высокий балл по математике, а способности Грейс к точным наукам были не слишком велики. Да и в школе ее больше учили хорошим манерам, чем наукам.

Маргарет предложила проехаться по всем близлежащим женским колледжам и посмотреть, какой из них подойдет. Но это было бессмысленно – набор уже закончился, и, похоже, Грейс предстояло провести год дома.

Желание стать танцовщицей было сильнее, чем желание стать актрисой. Я пыталась поступить в Беннингтон, потому что у них была великолепная программа обучения всем видам танцев. Там преподавала Марта Грэхем и другие замечательные педагоги. Я была в списке кандидатов, но не прошла по конкурсу.

Актрисой Грейс стала во многом благодаря случайности.

В Нью-Йорке они остановились у приятельницы Маргарет, актрисы Мэри Мэджи. И Грейс спросила ее: «Как вы думаете, могу ли я попасть в Американскую академию драматического искусства?»

Грейс хорошо понимала, что отец будет против. Но Маргарет,

видимо, решила, что лучше вернуться хоть с каким-нибудь результатом, чем вообще с пустыми руками. И они попросили Мэри Мэджи организовать Грейс прослушивание.

Та согласилась и обратилась к администратору академии. Но тот ответил: «Миссис Мэджи, я не могу принять ее. Набор закончен. У меня нет ни одного свободного места, мы забиты под самую завязку». На что она, по ее словам, ответила, что все понимает, но просит сделать исключение, ведь это любимая племянница самого Джорджа Келли. Это и решило дело – Джордж был уже очень знаменит, и в Американской академии драматического искусства у него было много почитателей. Грейс вручили роль, которую ей надо было подготовить, и пригласили на прослушивание.

В регистрационном журнале сохранилась запись, что Грейс Патриция Келли впервые предстала перед комиссией 20 августа 1947 года. Ее вес был сто двадцать шесть фунтов, рост – пять футов и шесть с половиной дюймов, цвет волос – «блондинка», пропорции – «хорошие», национальность – американка ирландского происхождения. И приписка в конце: «Племянница Джорджа Келли». Комиссия благосклонно отнеслась к Грейс, сочла ее вполне многообещающей, и после прослушивания она была зачислена в академию.

У меня не было иллюзий, когда я выбирала театральную сцену для своей будущей карьеры. Я полностью осознавала, что необходимы жесткий, изнуряющий этап ученичества и постоянная сценическая практика, чтобы придавать изысканный высокопрофессиональный лоск исполняемой роли.

Оставалось уговорить Джека Келли отпустить дочь в Нью-Йорк.

К ее любительской игре на сцене он относился снисходительно, но уважения к актерской профессии не питал. Поэтому, услышав, куда поступила Грейс, он сразу же сказал «нет».

Но Маргарет на этот раз была на стороне дочери и стала

уговаривать мужа отпустить ее учиться. В конце концов тот сдался, согласившись, что нет смысла сидеть целый год без дела. К тому же он был уверен, что она очень скоро сама бросит академию и вернется домой. Как плохо он все-таки ее знал…

Перед отъездом успело произойти еще одно событие. Грейс все-таки лишилась девственности. «Я даже не поняла, как это произошло, – вспоминала она потом. – Я заехала к одной подруге, чтобы прокатиться вместе с нею, но той не оказалось дома. На улице шел дождь, а муж подруги сказал, что ее не будет до самого вечера. Я осталась, чтобы поболтать с ним, и так уж получилось, что мы с ним оказались в одной постели. Я даже не успела сообразить, почему и как».

Конечно, рано или поздно это все равно должно было произойти, особенно с такой темпераментной девушкой, как она, уезжающей в огромный, полный соблазнов город. Но показательно то, что Грейс решилась на этот шаг до отъезда из дома, словно не желая оставлять незавершенные дела. Этот случайный роман с человеком, с которым она с тех пор больше никогда не встречалась, стал для нее некой финальной точкой. Детство закончилось, она покинула родной дом и отправилась покорять Нью-Йорк, чувствуя себя совершенно взрослой.

Мы считали, что наши дети должны иметь право на выбор своих профессий. Моя жена и я пытались давать советы и наставлять наших детей, но не подавлять их амбиции. Когда Грейс настаивала на том, что станет актрисой, мы отправили ее в Американскую академию драматического искусства, втайне надеясь, что это был всего лишь каприз.
Джек Келли

Первой серьезной проблемой для Грейс стал голос.

Точнее – акцент. К акценту в американском кино и сейчас предъявляются очень высокие требования. Так и Грейс Келли сразу же услышала, что, если она не избавится от филадельфийской гнусавости, не видать ей серьезных ролей. Чтобы заинтересовать потенциальных работодателей, она к такой аристократической внешности должна была приобрести и

соответствующий выговор.

Она рьяно взялась за учебу и не жалея сил стала заниматься вырабатыванием правильной дикции и понижением диапазона своего излишне высокого голоса. Кроме того, ей надо было научиться правильно произносить согласные и выработать четкое произношение, без заглатывания окончаний. К тому же Грейс не удовольствовалась занятиями в академии, а стала еще брать частные уроки у оперного тенора Марио Фьорелло, который научил ее специальным упражнениям, делающим голос более грудным и звучным.

Результат этих занятий не заставил себя ждать – когда через пару месяцев Грейс приехала в гости к родным, ее произношение произвело настоящий фурор. От местного говора не осталось и следа, она говорила в точности как благородные английские леди. Впрочем, у ее друзей это временами вызывало хихиканье – уж очень высокопарно звучало ее аристократическое произношение в обычных бытовых условиях. Но Грейс не смущалась, а на подначки приятелей с вызовом отвечала, что такое произношение – ее обязанность, часть ее будущей профессии.

Как неправильно, когда слава приходит к молодому актеру. Он еще ничего не умеет. Он еще сырой материал... Слава меня изломала и оставила в полном недоумении.

Когда я переехала в Нью-Йорк... твердо решив стать актрисой, у меня не было никаких иллюзий относительно того, сколько для этого потребуется времени и через что мне

предстоит пройти.

Поселившись в Нью-Йорке, Грейс мало изменилась.

Она довольно быстро приобрела много хороших приятелей, с которыми могла шутить, участвовать во всяких шалостях и вообще стала среди них совершенно своей. Ну а малознакомые люди ее чаще недолюбливали. Ее холодная красота в сочетании со сдержанностью, идеальными манерами и замкнутостью создавали ей репутацию надменной одиночки и «задаваки».

Одна из однокурсниц впоследствии, вспоминая об учебе вместе с Грейс, сравнивала ее с манекенщицей: «Приходит, делает, что от нее требуют, и, не проронив ни слова, снова уходит. Некоторые из студентов буквально молились на нее из-за ее красоты и какой-то изысканной отстраненности… Никогда не забуду, как она одевалась для балетного класса. Мы все приходили на занятия в пачках, и Грейс была просто чудо. Она была прекрасна! Но мне всегда казалось, что она немного холодновата».

На самом деле причина такого поведения была, конечно, не в надменности – этого в характере Грейс никогда не было. Просто она была довольно застенчива и не очень уверена в себе, и прятала эту неуверенность под маской аристократической сдержанности, часто принимаемой за высокомерие. Впрочем, был у такого образа и свой плюс – нахальные вертопрахи, так и кружившие вокруг студенток академии, очень редко решались приставать к столь холодной и надменной девушке, предпочитая добычу, выглядящую более доступной.

В Нью-Йорке Грейс жила в респектабельном пансионе «Барбизонская гостиница для женщин», находившемся в самом центре Манхэттена.

Таково было требование Джека Келли, который с трудом отпустил дочь туда, где он уже не мог за ней присматривать. «Барбизонская гостиница для женщин» показалась ему достойным и надежным пристанищем для порядочной девушки. Чтобы попасть туда, надо было предоставить три рекомендации от достойных людей, жили там только девушки, а мужчины не могли проходить дальше гостиной на первом этаже.

Но прекрасная репутация респектабельного пансиона на деле ничего не гарантировала. Да, мужчинам туда вход был запрещен, но во всем остальном девушкам предоставлялась такая свобода, что другие студентки, которым приходилось жить на частных квартирах под присмотром ханжей-домохозяек, очень им завидовали. В «Барбизонской гостинице для женщин» никто не следил, во сколько какая девушка уходит и приходит и даже где она проводит ночь…

А Грейс, вырвавшись из-под отцовского присмотра, даром времени не теряла. Она хотела насладиться жизнью в полной мере. Тем более что на свою спокойную холодную мать она была похожа лишь внешне, а темперамент унаследовала от отца, который всю жизнь был крайне неравнодушен к противоположному полу и не любил отказывать себе в плотских удовольствиях.

Благодаря удачному сочетанию перерывов между фотосъемками и выбору мест, где они проводились, я могла содержать себя довольно хорошо. Но мне приходилось ездить на метро, как и всем остальным девушкам, и питаться в аптекарских магазинах, где кроме лекарств продавались мороженое и кофе.

Первой любовью Грейс в Нью-Йорке стал Херби Миллер, с которым она вместе училась в Американской академии драматического искусства.

Красивый, обаятельный, талантливый и безумно влюбленный, он был идеальной кандидатурой для первого серьезного романа юной девушки, только-только освободившейся из-под родительской опеки. У него оказались те же проблемы, что и у нее – заметный акцент, который мог бы помешать его дальнейшей карьере. Вот так и получилось, что они стали вместе ходить на занятия по дикции, потом вместе упражняться, а потом…

Впрочем, что было потом, точно никто на самом деле не знает. Херби Миллер оказался единственным настоящим джентльменом из всех возлюбленных Грейс Келли, и даже когда она стала звездой, отказался рассказывать журналистам

интимные подробности их отношений. Он, конечно, не скрывал, что у них был роман, и охотно делился воспоминаниями о том, как они обнимались в укромном уголке «Барбизонской гостиницы для женщин», но в отличие от других ее любовников не стремился описывать, какой она была в постели.

Они оба понимали, что ничего серьезного из их романа не получится, видимо, чувствовали, что связывает их даже не любовь, а просто опьянение молодостью и свободой. Поэтому они не строили планов на будущее, и Грейс даже не стала знакомить Херби со своими родителями, зная, что те любого ее кавалера рассматривают только с одной точки зрения – как потенциального жениха.

Скажем так, она была моей возлюбленной. Мы познакомились еще, в сущности, будучи детьми. Мне известно одно – ее жизнелюбие и склонность к романтическим увлечениям. Она была очень увлекающейся натурой, не какая-нибудь там холодная статуя из гранита или мрамора, а наоборот – полная тому противоположность. Она излучала какое-то особое тепло, эта земная и любящая веселье девушка.

Херби Мимер о Грейс

Грейс была все время недовольна собой, все время в поисках собственной личности.

И приятели, и поклонники вспоминали, что она постоянно

меняла образ. «Как-то вечером, – вспоминал Дик Куне, один из ее тогдашних ухажеров, – Грейс появилась в ужасно элегантном черном платье и с высокой прической. Она казалась величественной и загадочной. В следующий раз к вам на свидание являлась фермерская дочка в коленкоровой юбке и блузке. В третий же раз она появлялась в твидовом костюме, словно какая-нибудь воспитанница частной школы – образцово-показательная барышня. И все зависело от ее настроения. Создавалось впечатление, словно она примеряет различные маски».

Это было счастливое время для Грейс. Они с Херби Миллером, а иногда и с большой компанией других студентов ходили в Музей современного искусства на демонстрацию европейских кинокартин, гуляли по вечернему Нью-Йорку, устраивали всякие шутливые выходки на грани хулиганства. Например, после просмотра нового фильма Фреда Астора они отправились танцевать на ступенях собора Святого Патрика. А случалось – бегали в кинотеатр прямо в пижамах, шокируя случайных свидетелей.

В одном из писем домой Грейс прямо заявляла, что Нью-Йорк – это город ее мечты. И на тот момент это действительно было так.

Я придаю большое значение стремлению личности к выражению своей индивидуальности, я считаю, что индивидуальность важна, но здесь мы умеем находить общий язык и с каждой отдельно взятой личностью, и со всеми вместе.

Довольно скоро Грейс нашла в Нью-Йорке и свою первую работу.

Началось все с того, что Херби Миллер, подрабатывавший манекенщиком, взял ее с собой к одному из фотографов. Тот сразу обратил внимание на прекрасную холодную блондинку, которая должна была быть идеальна в статике, и предложил ее сфотографировать на пробу.

Проба оказалась настолько удачной, что в течение года Грейс украсила собой обложки нескольких журналов и даже стала лицом сигарет «Олд Голд». Причем для этого ей даже почти не пришлось прикладывать усилий – она была настолько фотогенична, что прекрасно получалась в любом ракурсе. О таких лицах говорят, что «камера их любит». К тому же ей было не привыкать позировать – Джек Келли всегда был человеком публичным, и его семью не раз снимали для местной прессы и политических плакатов. Да и Маргарет с ее благотворительными показами мод приучила дочерей не тушеваться перед объективами.

Впрочем, несмотря на то что ее лицо идеально получалось на фотографиях, в профессиональные модели Грейс не годилась. Те должны были выглядеть немного умирающими с голоду, а у нее был слишком цветущий вид.

Одна из подруг подсказала ей хороший вариант – не сосредотачиваться на глянцевых журналах, а предложить свое портфолио рекламным агентствам. Там платили меньше, зато им как раз требовались не тощие модели, а разные вариации «девушки из соседнего дома», которая могла бы рекламировать товары широкого потребления.

Каждый день я выходила из отеля рано утром и возвращалась только поздно вечером. Если у меня не было работы фотомодели, я искала работу в театре, но никто не нанимал меня из-за моего слишком высокого роста.

Как и следовало ожидать, Грейс с ее фотогеничностью оказалась очень востребованной.

Вскоре она рекламировала буквально все – от кремов до средств против клопов. Ее родственники и однокурсники впоследствии вспоминали, что было время, когда от Грейс просто некуда было деваться – включишь телевизор, а там она с каким-

нибудь пылесосом, пройдешься по городу, а на рекламных щитах опять она, теперь уже с зубной пастой.

Бралась она и за рекламу нижнего белья, но хотя платили очень хорошо, занималась она этим недолго – пока не съездила домой и не поговорила с монахинями, у которых когда-то училась. Те не стали читать ей долгую мораль, а посоветовали подумать и самой понять, почему порядочная девушка не должна этим заниматься. Грейс очень уважала их мнение, но кроме того, обдумав все, как ей и советовали, поняла, что это невинное на первый взгляд занятие может навсегда испортить ей репутацию. Больше она нижнее белье не рекламировала.

Платили за съемки от семи с половиной до двадцати пяти долларов в час (чтобы понять, сколько это сейчас, надо умножать примерно на двадцать). А «Олд Голд», лицом которого она была одно время, выплачивал две тысячи долларов за один съемочный блок – то есть около сорока тысяч на нынешние деньги. Это был очень хороший заработок, начинающие актрисы на киностудиях получали столько за полгода.

Я перестаралась с искренностью, любой, посмотрев мою рекламу сигарет «Old Gold», переключился бы на «Camel».
Грейс о своем рекламном ролике на телевидении.

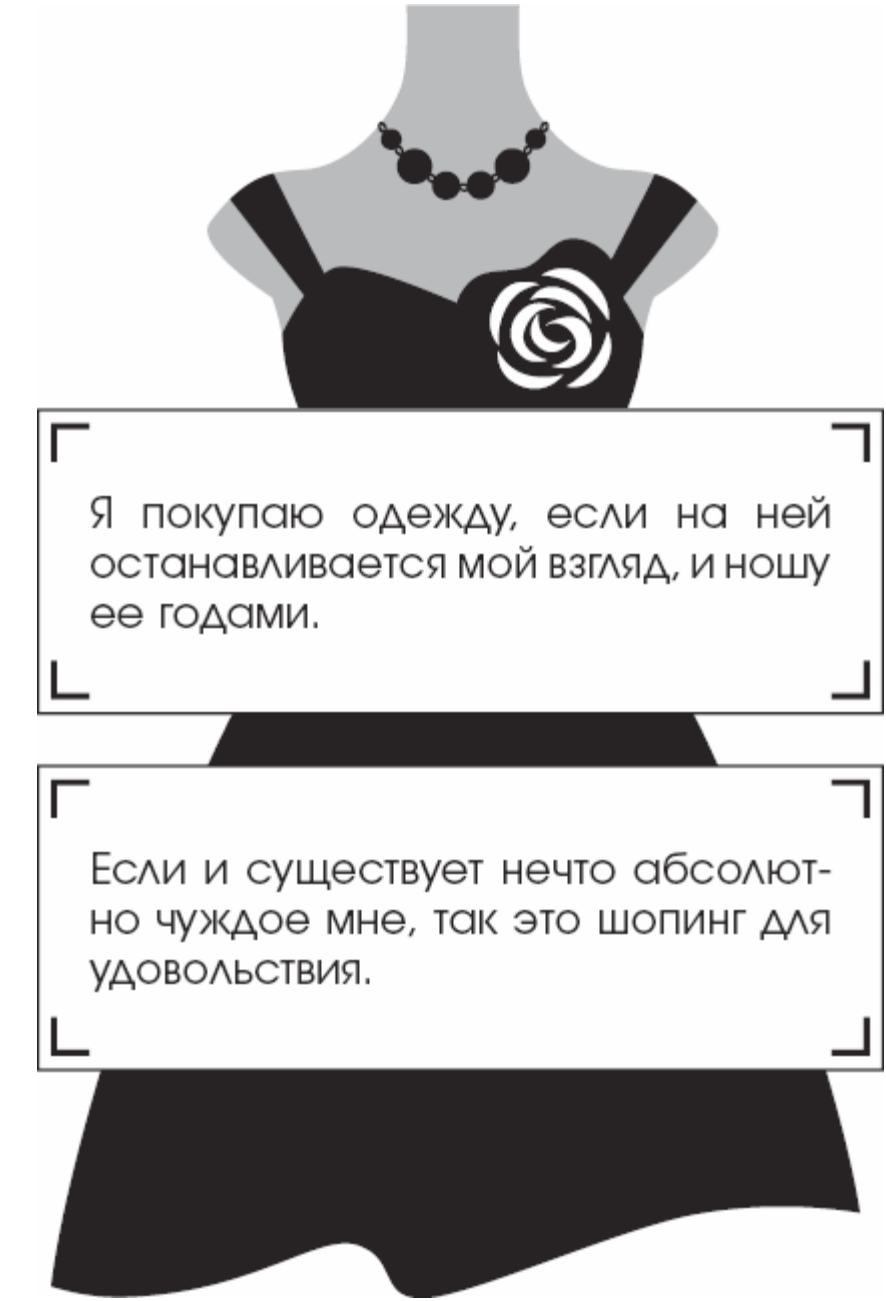
Приятели Грейс вспоминали, что она очень мало тратила.

Она не любила расплачиваться в такси, никогда не покупала одежду и обувь из новых дорогих коллекций и не ходила по дорогим ресторанам. Куда же она тратила деньги? Очень просто – отправляла родителям. Но не для того, чтобы им помочь (миллионер Джек Келли в материальной помощи не нуждался), а для того, чтобы возместить им затраты на ее обучение и содержание. Грейс хотела твердо знать, что она сама себя обеспечивает. Она не желала быть никому обязанной, и родителям в первую очередь.

«Она за все платила из собственного кармана, – рассказывала впоследствии Пегги. – За проживание. За обучение. Мама с отцом ни разу не послали ей ни цента». А одна из нью-йоркских подруг Грейс вспоминала: «Ей хотелось самостоятельности. Ей хотелось самой обеспечивать себя, чтобы потом вся слава не досталась

целиком ее отцу».

Да, Грейс была горда. Она слишком долго была самым слабым и незаметным ребенком в семье. И теперь ей хотелось выделиться, показать, что она не Келл, которого полностью «сделал» отец, и не Пегги, которой родители после замужества купили дом. Она – Грейс, и она сама себя сделает богатой и знаменитой, без чьей-либо помощи!


Я покупаю одежду, если на ней останавливается мой взгляд, и ношу ее годами.
Если и существует нечто абсолютно чуждое мне, так это шопинг для удовольствия.

К концу первого года в Нью-Йорке роман Грейс с Херби Миллером постепенно стал угасать.

Вокруг Грейс и правда все время крутилось много поклонников, но, пожалуй, до появления Алекса д'Арси Херби мог быть более-менее спокоен – она еще с Филадельфии привыкла к тому, что можно пообниматься сегодня с одним, завтра с другим,

для нее это ничего серьезного не значило. Но в 1948 году на какой-то вечеринке она познакомилась с Алексом д'Арси…

Он был в два раза старше Грейс, но ее это нисколько не смущало, наоборот, ей всегда нравились мужчины гораздо старше нее. К тому же он был хорош – высокий, темноволосый, чрезвычайно обаятельный и с соблазнительным французским акцентом.

Начался их короткий страстный роман просто и стремительно. Алекс пригласил Грейс пообедать, и она согласилась. В ресторане его встретили как почетного гостя, Грейс это впечатлило, но не более – звездный статус спутника ей льстил, но корыстных устремлений у нее не было.

А ведь Алекс д'Арси мог оказать ей протекцию – в то время он был очень известным актером, чье имя ставили наравне с именами Кэри Гранта и Кларка Гейбла. Для любой начинающей актрисы такое знакомство было пределом мечтаний. Но не для Грейс. О ней всегда ходило много слухов, ее обвиняли в ветрености и неразборчивости, но вот в чем ее никто никогда не мог обвинить, так это в том, что она добивалась чего-либо через постель. Так было и с Алексом д'Арси. О том, что она тоже актриса, он узнал лишь несколько лет спустя, когда их отношения были уже давно в прошлом.

Грейс не выглядела доступной, и их роман с Алексом первое время развивался вполне платонически.

Но через несколько дней знакомства он решил рискнуть. «Мы ехали домой на такси. Мы были знакомы уже около десяти дней и несколько раз обедали вместе. Она была милой собеседницей, слегка застенчивой и из хорошей семьи. Она всегда проявляла робость, и это качество привлекало меня в ней. Одевалась она очень консервативно и со вкусом. Никогда не выряжалась, как те девицы, что готовы тотчас прыгнуть к вам в постель». Он положил руку Грейс на колено и… был ошарашен ее ответной реакцией: «Она сразу кинулась мне на шею. Я глазам своим не поверил. Внешность оказалась очень обманчивой».

Они сразу же отправились к Алексу и провели вместе ночь. А потом еще одну и еще – встречи продолжались около месяца, пока д'Арси не уехал на съемки в Париж. «Она была очень

сексуальной девушкой, – вспоминал он. – Достаточно было один раз к ней прикоснуться – и она взвивалась до потолка… По натуре она была очень застенчива, хотя физической робости у нее не было. Во время секса ее истинная натура выходила наружу. Похоже, она тщательно скрывала, что таится у нее внутри, поэтому казалось, что она превращается в совершенно другого человека».

В начале 60-х Алекс случайно вновь встретил Грейс, тогда уже княгиню Монако. Он не стал напоминать ей о старом знакомстве, чтобы не ставить ее в неловкое положение. Но Грейс его увидела, узнала и, к его огромному удивлению, не отвернулась, а улыбнулась и приветливо помахала рукой…

В нашем бизнесе все на девяносто процентов притворство. Грейс же была напрочь лишена притворства. Она была на редкость доброй и искренней девушкой. И месяц, проведенный с нею, никогда не казался мне очередным, ничего не значащим приключением. С моей стороны это было настоящей дружбой. Короткое, но прекрасное и потому ценное для меня увлечение.
Алекс д'Арси о Грейс Келли

В октябре 1948 года Грейс познакомилась с Доном Ричардсоном – одним из самых важных людей в ее жизни.

Она перешла на второй курс Американской академии драматического искусства. К тому времени после жесткого отсева осталось лишь около половины поступивших в прошлом году. Их разделили на группы, каждую из которых должен был обучать

профессиональный режиссер.

Грейс попала в группу к молодому талантливому и уже довольно известному на Бродвее режиссеру Дону Ричардсону, который недавно ставил дебютный спектакль Берта Ланкастера. В то время ему было около тридцати, он был ярким, темноволосым и темноглазым – то есть внешне полной противоположностью холодной белокурой Грейс. Впрочем, поначалу он ею не слишком заинтересовался, как и она им.

Началось все случайно – однажды они после занятий спускались на лифте, и один из однокурсников начал над Грейс зло подшучивать, а потом решил пугнуть и бросил ей в лицо щенка. Она разрыдалась, а возмущенный Ричардсон вытолкал студента из лифта и предложил проводить Грейс до такси. Никаких далеко идущих планов у него при этом не было. «Она мне даже не показалась хорошенькой, – вспоминал он потом. – Вся какая-то худенькая, на вид лет девятнадцати…»

Такси поймать не удалось, и, поскольку на улице шел снег и было довольно холодно, Ричардсон предложил зайти на минуту к нему, взять денег и сходить куда-нибудь перекусить. В тот момент он точно хотел только помочь несчастной девушке, ничего больше.

Грейс никогда не была великой актрисой. Я был ее учителем, поэтому кому это знать, как не мне. Однако она обладала рядом на удивление выигрышных качеств, и одно из них заключалось в ее умении вызвать у людей сочувствие и желание помочь. Подчас Грей казалась совершенно беспомощной и трогательной, и у вас создавалось впечатление, что стоит ее оставить одну, как она обязательно умрет. Ей просто не выдержать таких мук. Видя, как она чихает и шмыгает носом, я проникся к бедняжке какой-то особой теплотой – вы не поверите, но в этой тяге не было ничего приземленного.

Дон Ричардсон о Грейс

Грейс сама сделала первый шаг.

Она дождалась, пока Ричардсон разожжет огонь и уйдет варить кофе. Но когда он вернулся, то не поверил своим глазам: «Я увидел, что Грейс разделась и легла в постель. Никогда не видел ничего более прекрасного. Потрясающее тело! Настоящая скульптура Родена. Тонкая, пленительная фигура: маленькие

груди, узкие бедра, почти прозрачная кожа. Самая красивая обнаженная девушка в моей жизни!.. Это было совершенно неожиданно, мы даже не флиртовали. Я глазам своим не верил! Рядом со мной лежало создание неземной красоты. Я чувствовал, как меня охватывает какая-то неодолимая тяга к ней. Я влюбился в ее запястья. Я влюбился в ее щиколотки. Я влюбился в горячую кровь, что текла под нежной, полупрозрачной кожей. Я ощущал, что обязан взять ее под свое крыло, защитить и оградить от невзгод. Я вдруг понял, что влюблен по уши, и мне казалось, что и для нее это не просто случайность, что и она влюблена до безумия. Это была ночь неописуемого экстаза».

Наутро Ричардсон горько раскаивался в своем поступке, считая его неэтичным – ведь он был преподавателем Грейс. Но прекратить эти отношения у него не хватило сил, он был безумно влюблен. Грейс со своей стороны не слишком хотела, чтобы о ней болтали, будто она спит с преподавателем ради карьеры, поэтому согласилась держать их роман в тайне. Формально она продолжала оставаться девушкой Херби Миллера, а отношения с Доном Ричардсоном даже ее подругам стали известны только спустя несколько месяцев и очень их изумили.

Грейс встречалась с Ричардсоном каждые выходные и проводила ночь в его квартире.

Она любила приносить с собой пластинки, под которые она танцевала обнаженной при свете камина, приводя Ричардсона в состояние экстаза. «Только сумасшедший не согласится, что это великолепное зрелище! – даже через несколько десятков лет он не мог скрыть восторга, вспоминая эти дни. – Она была очень сексуальной!»

«В постели она была счастлива и всегда знала, когда с нее достаточно, – рассказывал он. – Мы были молоды, и после… скажем, четырех раз она говорила, что хватит… Она испытывала оргазм и радовалась этому… Но я не думаю, что она занималась любовью исключительно ради секса как такового. Ей требовалось нечто большее… Грейс было нужнее тепло объятий и уверенность, что ей ничего не угрожает. Именно к этому она и стремилась всей душой. Она была любительницей этого дельца,

чего там греха таить. Но, по-моему, самым главным для нее оставалось то, что ее обнимают».

Ричардсон, наверное, был самым чутким из возлюбленных Грейс, никто кроме него не сумел так тонко почувствовать, чего ей на самом деле больше всего не хватало в жизни. Хотя возможно, свою роль сыграло то, что он тогда был в похожем состоянии. Незадолго до встречи с Грейс он пережил очень тяжелое расставание с женой и по уши завяз в долгом и выматывающем нервы бракоразводном процессе. Ему тоже была нужна чья-то забота, чье-то душевное тепло.

Когда я познакомился с Грейс, мы оба, и она, и я, были совершенно одинокими людьми в этом мире – так... две неприкаянные души...
Дон Ричардсон о Грейс

Грейс мечтала стать ведущей актрисой в театре.

Ход ее мыслей был прост. Она – актриса, Дон – режиссер, они любят друг друга, значит, из этого следует логичный вывод, что и работать они будут вместе. Она мечтала о том, что у них будет в Филадельфии свой театр, где Дон Ричардсон станет главным режиссером, она – примой, ну а пьесы им, конечно, напишет ее знаменитый дядя Джордж. Красивые наивные фантазии…

Дон Ричардсон относился к ее мечтам очень скептически. И

дело было не только в том, что у него вызывало тревогу стремление Грейс непременно добиться успеха именно в Филадельфии, где это увидит ее отец.

Основная сложность была в том, что он, будучи профессионалом, хорошо видел, что замыслы Грейс не соответствуют ее способностям. «Я никогда не заблуждался на счет того, что Грейс будто бы наделена великим актерским талантом, – вспоминал он. – Потрясающая внешность и умение держаться – да. Не стану спорить. Но, увы, в ее голосе не было силы, она не умела воздействовать им на зрителя. Она бы никогда не сделала карьеру в театре».

К тому же, несмотря на то что профессиональный взгляд говорил ему, что эта девушка никогда не станет театральной примадонной, какое-то внутреннее чутье шептало, что рано ставить на ней крест. Не талантом единым становятся звездами. Есть в ней что-то такое, особенное, надо только понять, как это использовать. «В ней было нечто колдовское, – говорил он. – Она казалась мне чем-то вроде чистого холста, на котором любой желающий мог написать какую угодно картину».

Я читала почти все, что требовалось на кастингах. Даже читала роль инженю в «Деревенской девчонке» на Бродвее (ее нет в фильме). Режиссер сказал мне, что я явно не подхожу для роли инженю...

Именно Дон Ричардсон первым понял, что Грейс надо делать карьеру в кино.

Решение пришло неожиданно, и оно было настолько

простым, что Дон Ричардсон даже удивился, как он не мог раньше до этого додуматься. Однажды он рассматривал фотографии Грейс и заметил, насколько живой и прекрасной она выглядит даже на тех снимках, которые сделаны безо всякого специального освещения. Камера действительно «любила» ее, как уже не раз замечали профессиональные фотографы, снимавшие ее для рекламы. Ее можно было щелкнуть в любом ракурсе, и на снимке отпечатывался манящий и загадочный образ, пожалуй, даже более глубокий, чем Грейс была в реальной жизни.

«Когда вы смотрели на фото, – объяснял Ричардсон, – то перед вами была вовсе не Грейс. Перед вами возникал иллюзорный образ, или, как говорят в Голливуде, камера любовалась ею. Я совершенно потерял из-за Грейс голову – поверьте, так оно и было. Когда я смотрел на это фото, то уже знал, что ее будущее – в кино».

Через несколько дней он повел Грейс к самым известным агентам, подбиравшим актеров для киностудий, и без обиняков заявил им, что привел будущую звезду. Первая попытка оказалась неудачной – в знаменитом агентстве Уильяма Морриса Грейс не оценили. Но зато Эми ван Клив, агент киностудии «Метро-Голдвин-Майер», сочла ее очень перспективной и согласилась предложить ее кандидатуру киностудии. Первый шаг на пути к звездной карьере был сделан.

Выпускным спектаклем Грейс стала «Филадельфийская история»

Дон Ричардсон был уверен, что даже равнодушный к артистическим устремлениям дочери Джек Келли обязательно придет посмотреть, как она играет главную роль в «Филадельфийской истории» – модной и безумно популярной пьесе, ставшей в его родном городе в какой-то мере культовой. Тем более что один из персонажей был списан с самого Джека, что не могло не льстить его самолюбию.

Выпускной спектакль состоялся в небольшом театре под Карнеги-Холлом в присутствии студентов и преподавателей академии. Джек и Маргарет Келли тоже почтили его своим присутствием и даже остались довольны тем, как их дочь изображает филадельфийскую светскую красавицу, прототип которой они, конечно, хорошо знали.

Тогда же Маргарет задала Грейс давно интересовавший ее вопрос: с кем у нее роман? Она давно поняла, что дочь в кого-то влюблена, и сочла, что сейчас самый подходящий момент, чтобы это выяснить, ведь Грейс предстояло решать, чем она займется после академии.

Что ж, момент был и в самом деле подходящий – Грейс и сама устала скрывать свои отношения с Доном. Она честно рассказала, что у нее роман с режиссером и что они хотят пожениться и вместе делать карьеру в театре и кино. Маргарет услышанное не слишком понравилось, но она благоразумно не стала возражать, а предложила привести его к ним в дом для официального знакомства.

Со стороны Грейс было очень наивно верить, что Дон Ричардсон понравится ее семье.

Во-первых, он был еврей, во-вторых, он был беден, а в-третьих, он был всего лишь простой режиссер, а не аристократ

или знаменитость. И это они еще не знали, что он все никак не может официально развестись с бывшей женой.

Сам Дон, конечно, плохо знал семью Келли, но что-то такое он предполагал и ехать знакомиться совершенно не хотел: «Я предчувствовал, что эта поездка добром не кончится. Но Грейс и слышать ни о чем не хотела. Она… все время твердила, что ее родители нас поймут».

Разумеется, Джек и Маргарет даже и не собирались ничего понимать. Брат Грейс, Келл, по приказу матери привел в дом троих своих самых симпатичных спортивных приятелей, чтобы те произвели впечатление на Грейс, а ее жениха подавили морально и физически. Ричардсон вспоминал, что весь вечер в разговоре то и дело проскальзывали шутки насчет евреев, да и вообще с ним все держались очень высокомерно.

При этом он не мог не отметить, как тихо, словно мышка, вела себя Грейс. А когда он сказал ее родственникам, что она, несомненно, станет кинозвездой, все долго хохотали, и Джек снисходительно заявил: «Не волнуйся, скоро она образумится».

На следующий день Грейс повела жениха показывать ему что-то вроде семейного музея – комнату, где были собраны кубки и медали, завоеванные Джеком и Келлом, а также фотографии Маргарет в качестве манекенщицы. Ни одной фотографии Грейс там не было.

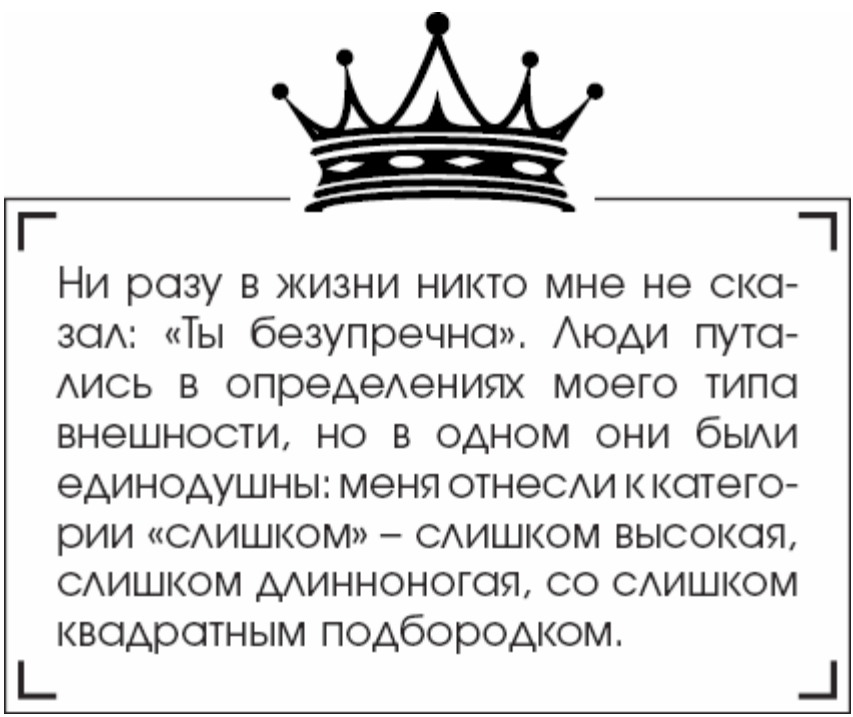
На этом знакомство с семьей закончилось, поскольку в тот же вечер Дона Ричардсона выгнали взашей.

Маргарет перерыла вещи потенциального зятя и нашла письмо от адвоката о бракоразводном процессе и упаковку презервативов. Ричардсон был в шоке: «Все было разбросано. Она даже и не думала скрывать своих действий».

Грейс прорыдала весь вечер и с вызовом заявила родителям: «Надеюсь, я уже беременна!» Но больше ее ни на что не хватило. Родители пригрозили, что не позволят ей вернуться в Нью-Йорк, если она не порвет с Ричардсоном и прочитали мораль о ее недостойном поведении. Впрочем, она прекрасно понимала, что на самом деле их больше всего раздражает: «Они не могут понять, как я вообще могла влюбиться в еврея», – с горечью писала она подруге.

Джек и Маргарет заперли Грейс дома и держали ее под неусыпным наблюдением, чтобы она не могла сбежать в Нью-Йорк тайком или где-то встретиться с Ричардсоном. Она смогла лишь один раз позвонить ему по телефону и со слезами рассказать, как тяжело ей приходится.

На самом деле, разумеется, ей было уже девятнадцать лет, и она неплохо зарабатывала как манекенщица, а значит, была вполне финансово независимой. Так что никакой реальной возможности удержать ее против воли у Джека и Маргарет не было. Но Грейс понимала, что, если она сейчас уедет, это будет означать полный разрыв с семьей. Точнее, она так думала – что было бы на самом деле, никто не знает…


Ни разу в жизни никто мне не сказал: «Ты безупречна». Люди путались в определениях моего типа внешности, но в одном они были единодушны: меня отнесли к категории «слишком» – слишком высокая, слишком длинноногая, со слишком квадратным подбородком.

Но любовь любовью, однако в первую очередь надо было думать о карьере.

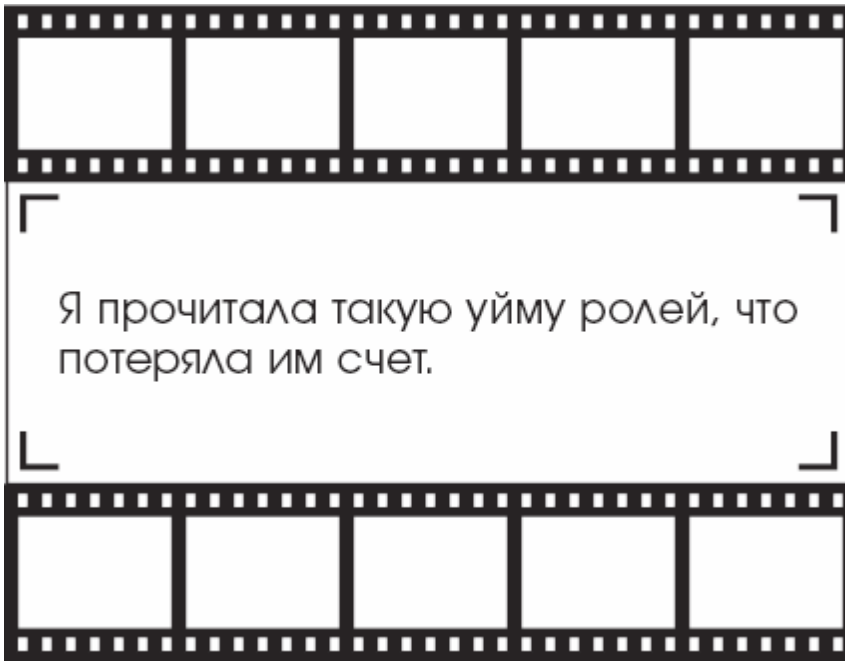
Двое лучших выпускников ежегодно приглашались в труппу популярного театра Бакс в Нью-Хоун, в Пенсильвании, и на этот раз одним из них оказалась Грейс. Нью-Хоун был недалеко от Филадельфии, и родители, скрепя сердце, отпускали ее туда на репетиции. К тому же роль ей предложили в пьесе «Факелоносцы», автором которой был не кто иной, как ее дядя Джордж, и не дать ей там сыграть, означало бы оскорбить лично его.

Дебют прошел удачно, критика тепло отозвалась о юной актрисе, не забыв, конечно, упомянуть, какие у нее знаменитые отец и дядя. Джек Келли наконец-то согласился, что актриса – это тоже неплохо, этим даже иногда можно гордиться, – и привел на спектакль всех своих знакомых, чтобы показать, как его дочь играет в спектакле его брата.

Закрепило успех приглашение от знаменитого актера Рэймонда Мэсси, который одним из первых воплотил в кино образ Шерлока Холмса, исполнить роль его дочери в постановке трагедии Стриндберга «Отец».

Премьеру предполагалось сыграть в Бостоне, а затем перенести спектакль в Нью-Йорк, поэтому Джеку и Маргарет пришлось срочно решать, что делать со строптивой дочерью. Вечно держать ее дома не имело смысла, да и к тому же теперь они тоже стали надеяться, что она станет звездой, поэтому предпочитали помогать ей, а не мешать.

В конце концов они решили, что ведет себя она смирно, о любовнике-еврее больше не упоминает, много работает, – можно ее и отпустить.



Грейс дала родителям слово, что не будет больше встречаться с Ричардсоном.

Она уехала в Нью-Йорк… где прямиком направилась к тому домой, и они радостно отпраздновали встречу в постели.

Теперь трудно понять, чего в этом было больше – искренней уверенности, что она на самом деле бросает семье вызов, или обычного самообмана. Ричардсон вспоминал, что, несмотря на возобновление отношений, он чувствовал: из их романа уже ничего не выйдет. Грейс не желала слышать ни одного осуждающего слова о родителях, да к тому же еще ужасно боялась, что те их разоблачат.

Так в итоге и случилось – в один прекрасный день к Ричардсону явился сам Джек Келли и предложил отступные, если он прекратит встречаться с Грейс. «Я произнес длиннющую, абсолютно идиотскую, сбивчивую речь, в которой сказал, что мне от него ровным счетом ничего не нужно, что я люблю его дочь и не приму от него никакого отступного, – вспоминал Ричардсон. – Он не стал меня слушать, а просто вышел вон». На этом, разумеется, ничего не закончилось, хотя Джек Келли больше не снисходил до того, чтобы лично вести переговоры. В дальнейшем звонил Келл, угрожал, запугивал и вновь пытался подкупить.

Ну а Грейс… делала вид, что ничего не видит и не знает, а когда Дон прямо говорил ей, что надо что-то делать, отвечала что-то невнятное, мол, когда-нибудь им удастся понять друг друга и все будет прекрасно. В любых столкновениях с семьей она

предпочитала просто «прятать голову в песок» и ждать, когда все как-нибудь само рассосется.

Запреты и угрозы семьи Келли, а также пассивность Грейс привели к охлаждению ее отношений с Доном Ричардсоном.

Она перестала чувствовать себя с ним комфортно, поэтому начала оглядываться вокруг в поисках другой кандидатуры в спутники жизни.

Ее новый серьезный роман начался с того, что к дверям ее квартиры доставили бутылку дорогого шампанского и сообщили, что Клодиус Шарль Филипп – распорядитель банкетов отеля «Уолдорф-Астория» – выражает ей свое восхищение.

Грейс, конечно же, знала, кто такой Филипп, как знали это все, кто хоть немного интересовался жизнью высшего общества.

Он был рестораторoм и шоуменом, королем банкетов и организатором одного из самых знаменитых светских событий Нью-Йорка – «Апрельского бала в Париже», на котором присутствовал весь цвет общества, от миллионеров и звезд кино до аристократов и политиков.

Ему было сорок лет, он был человеком зрелым, опытным, привыкшим руководить – как раз то, что было нужно Грейс, всегда любившей, чтобы ее опекали. Скоро они уже были практически неразлучны, дело двигалось к свадьбе, но… тут вновь вмешался Джек Келли. Филипп был дважды разведен, а значит, не годился в мужья доброй католичке. Отец запретил Грейс даже думать об этом браке.

А что же она? Она продолжила встречаться и с ним, и с Доном, по-прежнему надеясь, что все как-нибудь само рассосется. Впрочем, продолжалось это недолго, Филипп был не тот человек, который мог бы долго терпеть такое положение, и вскоре они окончательно расстались.

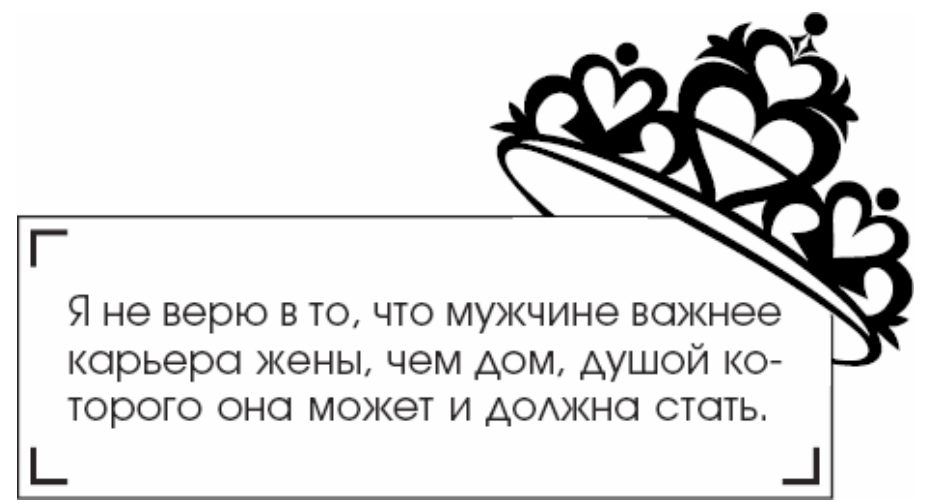
Расставшись с Филиппом, Грейс ударилась в развлечения, которые помогали ей избавиться от грустных мыслей.

Тогда она впервые и закрутила роман с человеком, за которого сразу не собиралась замуж. Это был молодой шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, который прибыл в США для переговоров

с президентом, но не упускал случая и развлечься. Шах недавно развелся и с удовольствием менял одну красавицу за другой.

Однако Грейс он увлекся не на шутку и в конце концов даже сделал ей предложение. Но она отказалась, поскольку не любила его, а место шахини ее не прельщало. Кстати, родителям она об этом предложении не сказала, вероятно, опасалась, что католические принципы Джека Келли не выдержат такого соблазна. Похвасталась она только Херби Миллеру, с которым они давно расстались, но сумели остаться добрыми друзьями.

О романе Грейс с шахом ее родители узнали из газет. Маргарет тут же приехала в Нью-Йорк и потребовала отчета: правда ли, что шах подарил ей драгоценности. Та неохотно призналась, что приняла в подарок три безделушки. Но Маргарет было достаточно одного взгляда, чтобы понять – эти «безделушки» стоят около десяти тысяч долларов (примерно двести тысяч в пересчете на современные цены). Она велела вернуть шаху подарки, но Грейс ответила, что тот их не примет. Маргарет пришлось отступить, и драгоценности остались у Грейс. В 1956 году, накануне свадьбы с князем Монако, она подарила их подружкам невесты.



К тому времени, как Грейс рассталась с шахом, ее отношения с Доном Ричардсоном тоже уже клонились к закату.

Страсть утихла, а воспоминания они друг у друга вызывали не слишком приятные – у обоих были живы в памяти унижения, которые им пришлось пережить, когда Грейс познакомила его со своими родителями. Но их связывало слишком многое, чтобы они могли вот так просто расстаться, даже когда Ричардсон уже был

уверен, что в ее жизни есть и другие мужчины.

Точку поставила сама Грейс. Она никогда не умела расставаться, но зато умела провоцировать людей на те поступки, которые ей были нужны. Однажды она устроила ему «показ мод», как любила иногда делать. «Наконец она предстала в чем мать родила, – вспоминал Ричардсон, – в одном золотом браслете с изумрудами».

Он хорошо знал, кто мог подарить такой браслет – это была «визитная карточка» принца Али Хана, вице-президента Генеральной Ассамблеи ООН и сына Ага-хана III, духовного лидера исмаилитов. Али Хан был женат на кинозвезде Рите Хейворт, что не мешало ему напропалую крутить романы с многочисленными красавицами. Весь Нью-Йорк сплетничал о том, что каждой своей любовнице он дарил браслет с изумрудами.

Оскорбленный и разъяренный, Ричардсон сорвал с руки Грейс браслет, швырнул его в аквариум, оделся и ушел. На этом их роман закончился.

Отношения с театром у Грейс не сложились.

Спектакль Рэймонда Мэсси «Отец» не имел успеха и уже в начале 1950 года сошел со сцены. Грейс осталась не у дел.

Несколько раз ее приглашали на прослушивания, но каждый раз неудачно.

Как верно заметил Ричардсон, ей не хватало драматического таланта. Но зато целеустремленности у нее было хоть отбавляй, и готовности работать – тоже. Так и получилось, что она оказалась на телевидении, которое в те времена еще только начинало набирать популярность.

Запись еще не использовалась, поэтому все передачи шли в прямом эфире, и, соответственно, спектакли игрались тоже вживую, как на сцене. Штамповали их с большой скоростью, в частности, Грейс участвовала примерно в одной новой постановке каждый месяц. Роли учили быстро, репетиций почти не было, и актеры обязаны были уметь очень быстро ориентироваться в любых непредвиденных ситуациях. Опыт там приобретался очень серьезный. В этих телеспектаклях начинали такие актеры, как звезда «Психо» Энтони Перкинс, герой боевиков Чарльз Бронсон и обладатель «Оскара» Род Стайгер.

Правда, к телевидению Грейс относилась не слишком серьезно, поэтому когда вставал выбор – участвовать в очередной телепостановке или сыграть хотя бы небольшую роль на настоящей сцене, она всегда выбирала второе. Ее отец к телевидению и даже кино относился с пренебрежением, а театр уважал, а значит, и Грейс хотела добиться успеха именно там.

Я работала на телевидении в прямом эфире в начале 1950-х, и это было довольно трудно и очень волнительно. В эти дни периода становления телевидения действительно было замечательно ощущать свою причастность к нему.

Работа на телевидении и в театре занимала большую часть времени Грейс, но большую – не значит всю.

В квартире, которую они делили с подругой, едва ли не каждый день собиралась веселая компания – болтать, смеяться, флиртовать и танцевать.

Лето 1951 года стало для нее временем нового подъема чувств, какого не было, наверное, с тех пор, как она когда-то влюбилась в Дона Ричардсона. Правда, поводом к этому эмоциональному всплеску стало очень печальное событие, можно даже сказать, трагическое. Грейс узнала, что ее первая любовь, Харпер Дэвис, умирает от множественного склероза.

С тех пор как они расстались по настоянию Джека Келли, прошло уже немало лет, но по-видимому, Грейс продолжало преследовать чувство вины. И когда молодой человек тяжело заболел, оно еще более обострилось. Каждый раз, бывая в Филадельфии, она навещала парализованного бывшего возлюбленного в ветеранском госпитале, а потом уезжала в слезах.

Много позже, когда журналисты спрашивали, любила ли она кого-нибудь по-настоящему, она каждый раз называла его имя. «Мы полюбили друг друга еще детьми, – печально говорила она, – а потом он умер от множественного склероза». И скорее всего она была искренней, когда это рассказывала, ведь Харпер Дэвис был первым, в кого она влюбилась, и первым, кого ей пришлось отвергнуть. Поэтому все последующие разрывы были для нее в некотором роде отголосками того, что она пережила в юности. Выбирая между отцом и любовью, она выбрала отца, и теперь вынуждена была делать это снова и снова…

Летом 1951 года Грейс начала свою карьеру в кино.

У нее в это время был новый роман. На сей раз ее избранником стал молодой актер Джин Лайонз, которого ее

родители, как обычно, не одобрили. Впрочем, Грейс не слишком расстроилась. То ли это стало уже привычным, то ли она не строила на Лайонза серьезных планов, а может быть, дело было в том, что сейчас у нее появились более важные заботы. 10 августа 1951 года ее пригласили на пробы в фильм «Ровно в полдень».

Вообще-то она уже играла эпизодическую роль в фильме студии «Двадцатый век Фокс» «Четырнадцать часов», после чего студия предложила ей заключить долгосрочный контракт. Потом такие же предложения поступали и от других кинокомпаний, но она от всех отказывалась.

Что такое голливудский контракт? Это постоянный договор, по которому актеры получали некий оклад вне зависимости от того, снимаются они или нет. За это они обязаны были сниматься в предложенных картинах и не имели права работать у кого-нибудь другого.

Грейс себе такой судьбы не желала – заработок был для нее не слишком важен, и она хотела сама выбирать, в чем сниматься. К тому же была у контрактов и другая неприятная сторона: по ним киностудия могла вмешиваться в личную жизнь актера, заставлять его перекрашивать волосы (как было с Мэрилин Монро), вставлять зубы, делать пластические операции. Нельзя было ни выйти замуж, ни развестись без одобрения киностудии. Это было практически крепостное право.

В фильм «Ровно в полдень» Грейс пригласили без заключения постоянного контракта.

К тому же она должна была играть партнершу самого Гэри Купера. Естественно, она согласилась. Нужно сказать сразу – ее выбрали не за какие-то особые заслуги, а лишь потому, что нужна была недорогая актриса конкретного типажа. Поэтому им просто взаимно повезло.

Сюжет фильма прост – шериф пытается поднять жителей городка на борьбу с бандитами, но его никто не поддерживает, тогда он выступает против них один, а в конце срывает с себя звезду и уезжает из города. Сценарист не скрывал, что это аллегория на современное ему американское общество, трусливо не замечающее политических репрессий против инакомыслящих. Но несмотря то что фильм бурно критиковали и называли клеветой на Америку, «Ровно в полдень» принес огромную

прибыль и до сих пор считается одним из лучших вестернов в истории кино.

Грейс пригласили на роль молодой жены шерифа – тихой, пацифистски настроенной квакерши, которая в конце концов единственная решается поддержать мужа в его борьбе. Режиссер вспоминал, какое она произвела впечатление: «Занудная и анемичная, этакая невыразительная, бесцветная девственница. Квакерша с Востока, которую судьбой занесло на Запад, ко всем этим неотесанным дикарям в пыльном городишке… Грейс словно была создана для этой роли. От нее требовалось сыграть самое себя. Именно ее неопытность как актрисы и делала ее игру еще более убедительной».

До нее никто не приходил ко мне в белых перчатках.
Режиссер фильма «Ровно в полдень» Фред Циннеман о своем первом впечатлении от Грейс

Грейс, конечно же, сразу влюбилась в Купера.

Красивый, представительный, по возрасту годящийся ей в отцы – он со всех сторон был ее типом мужчины. Она смотрела на него с восторгом и была безумно счастлива, что играет с ним в одном фильме, да еще и его жену. Впрочем, не она одна – в него в той или иной степени были влюблены почти все женщины Америки, поэтому, когда Грейс приехала домой, Пегги ее встретила завистливым вопросом, целовалась ли она с Купером и если да, то сколько раз.

Родители тоже понимали, что в такого мужчину нельзя не влюбиться, поэтому приставили к ней в качестве компаньонки

младшую сестру, Лизанну.

Трудно сказать, была ли на самом деле необходимость в такой подстраховке, – Куперу в то время было совсем не до романов, его мучили боли в спине и язва желудка, да и съемки были очень напряженными – вся группа работала от зари до зари, чтобы закончить фильм за четыре недели. И режиссер, и продюсер, вспоминая эти дни, в один голос отрицали возможность каких бы то ни было романов на площадке – на них у актеров просто не было времени.

Как бы то ни было, Лизанна свою «работу» выполняла очень тщательно: она ночевала с Грейс в одной комнате, возила ее на съемки, а когда Купер пару раз приглашал ту в ресторан, ездила вместе с ними. После съемок все равно возникли слухи, что у них что-то было, но ни тот ни другой никогда этого не подтверждали, а когда Гэри Купера спросили прямо, был ли у него роман с Грейс Келли, он ответил, что, конечно, нет, ведь она его в два раза моложе.

Как незамужняя, я считалась «опасной». Другие женщины смотрели на меня, как на соперницу, и это меня очень огорчало... Мои мучения продолжались недолго; у меня был свой круг хороших друзей. Но даже несмотря на это, я ненавидела Голливуд. Это безжалостный город.

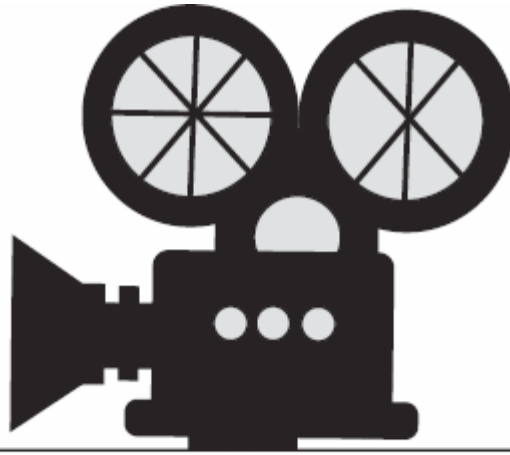
Фильм «Ровно в полдень» триумфально собрал в прокате в десять с лишним раз больше, чем обошлось его производство, и был выдвинут на семь «Оскаров»

В итоге он получил четыре – за лучшую мужскую роль, монтаж, песню и музыку. Все были в восторге от результата… кроме Грейс Келли. Она сочла себя деревянной, бесцветной и безжизненной, особенно в сравнении с восхищавшей ее игрой

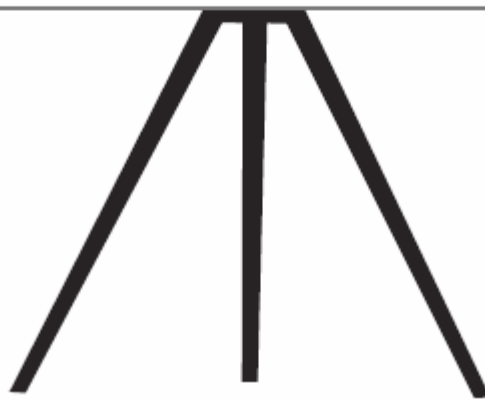
Гэри Купера.

Что ж, Грейс умела делать выводы и принимать решения (когда семья не вмешивалась). Она трезво оценила, чего ей не хватает, чтобы стать по-настоящему хорошей актрисой. Актерскую технику ей дала академия, опыт вести диалог она приобрела на телевидении, а вот умению выражать свои эмоции никто не научил. Значит, теперь ей был нужен специалист именно в этом актерском умении, и она нашла его довольно быстро.

Вернувшись из Голливуда, Грейс записалась на курсы к одному из величайших американских педагогов по драматическому искусству, Сэнфорду Мейснеру, воспитавшему и до, и после нее немало талантливых актеров, в том числе Грегори Пека, Даяну Китон и Сандру Баллок. Грейс проучилась у него больше года, твердо решив, что не вернется в кино, пока не научится играть по-настоящему.



С Гэри Купером все так понятно. Смотришь на его лицо и понимаешь все, о чем он думает. Смотрю на свое лицо и ничего не вижу. Я знаю, о чем думала, но не смогла показать это. Внезапно я подумала, что, возможно, из меня и не получится великой звезды Голливуда. Может быть, я ни на что не способна, в конце концов.



В 1952 году, когда «Ровно в полдень» вышел на киноэкраны, Грейс Келли стали присылать много приглашений на пробы.

Но она по-прежнему не стремилась связывать себя контрактом, желая оставаться свободной. Из-за этого лучшие из предлагаемых ей в тот период ролей достались другим актрисам – студии предпочитали работать с теми, кто связан контрактом. Но зато ее пробы увидели на киностудии «Метро-Голдвин-Майер» и… сделали ей предложение, от которого она не смогла отказаться.

Грейс пригласили в новый фильм «короля Голливуда» Кларка Гейбла. Однако для того чтобы получить роль, надо было отказаться от свободы и подписать семилетний контракт с киностудией.

И Грейс решилась – игра стоила свеч. Тем не менее она тоже выдвинула свои условия. В частности, она потребовала, чтобы ей позволили постоянно жить в Нью-Йорке и участвовать в театральных постановках, плюс она добавила пункт, что студия не может задействовать ее больше чем в трех картинах в год. На «Метро-Голдвин-Майер» согласились с ее условиями, и через несколько дней Грейс радостно написала одному из своих друзей: «Сядь и, затаив дыхание, выслушай главную новость. Я буду сниматься в Африке вместе со стариной Кларком Гейблом!»

Фильм «Могамбо», ради которого она отказалась от свободы, был римейком популярного фильма «Красная пыль», снятого в 30-е с тем же Гейблом в главной роли. Сюжет оставался практически таким же – жаркий любовный треугольник на фоне экзотических пейзажей, только действие было перенесено из Малайзии в Африку.

Когда мы заканчивали академию, то обычно любили изображать, как будем подписывать автографы. Весь вопрос сводился к одному – когда? К остальному мы были готовы. Между мной и славой стояли лишь несколько городских кварталов. Посмотрев «Ровно в полдень», я подумала: «Эта бедняжка ничего не добьется, если не изменит себя – и чем быстрее, тем лучше». Я была в ужасе. Я чувствовала себя совершенно несчастной.

На съемках «Могамбо» у Грейс Келли с Кларком Гейблом закрутился бурный роман.

Грейс Келли не могла не влюбиться в Гейбла. Он соответствовал ее идеалу мужчины даже больше, чем Гэри Купер, а главное, он еще не устал от жизни и был вполне готов закрутить роман с девушкой младше его на двадцать восемь лет.

К тому же в Африке Грейс была свободна – туда не так просто было прислать Лизанну или кого-либо другого, чтобы за ней присмотреть. И воздух свободы ударил ей в голову… да и не только ей. Другие члены съемочной группы тоже развлекались вовсю – алкоголь лился рекой, каждый вечер были музыка, теннис и новый фильм, который крутили на привезенном с собой

кинопроекторе. В конце декабря им самолетом доставили шампанское, рождественских индеек и самого Фрэнка Синатру, который дал мини-концерт, а заодно отпраздновал Рождество вместе с женой. В африканскую пустыню словно перенесся кусочек Голливуда, причем не такой уж маленький – палаточный городок, в котором жили киношники и обслуживающий их персонал, состоял примерно из трехсот палаток.

Роман Грейс и Кларка Гейбла развивался у всех на виду – они и не думали его скрывать. По воспоминаниям других членов съемочной группы, Грейс звала Гейбла «Ба», что на суахили означало «отец», ездила с ним на озеро купаться голышом, каталась по саванне на его джипе, а все остальное свободное время проводила в его палатке.

Грейс была истинной католической девушкой, и ей пришлось пережить «тяжелые времена», сознавая, какие чувства она испытывает к Кларку.
Ава Гарднер, партнерша Грейс по фильму «Могамбо»

Единственное, в чем Грейс не удавалось составить компанию Гейблу, так это в распитии спиртного.

«Ее миленький носик розовел, – вспоминала Ава Гарднер, – потом ее начинало рвать, и нам приходилось ее спасать. Или же она ни с того ни с сего обижалась и убегала куда-нибудь в темноту. Вскоре Кларк очухивался и спрашивал: «Киса, куда она подевалась? Это ведь Африка! Здесь далеко не убежишь…» И я была вынуждена отправляться на ее поиски и приводить назад,

пока ее там львы не сожрали».

Пить Грейс так никогда и не научилась, что спасло ее от участи многих голливудских звезд, превратившихся к концу жизни в алкоголиков. Ее нью-йоркские друзья, веселившиеся с ней на вечеринках в пору ее работы моделью, вспоминали, что она могла выпить немного шампанского для поднятия настроения или за компанию, но не больше. Кроме того, что ей от алкоголя становилось плохо, она еще панически боялась плохо выглядеть на фотографиях. Кларк Гейбл немного избавил ее от этого страха, но, к счастью, не окончательно.

Но кроме романов, спиртного и упоения свободой был, конечно, еще и фильм, который они приехали снимать. Грейс получила возможность показать все то, чему она училась последний год, и она эту возможность с блеском использовала. Может быть, ей недоставало той профессиональной легкости, с которой вели свои роли опытные Кларк Гейбл и Ава Гарднер, но с фильмом «Ровно в полдень» было уже не сравнить – теперь Грейс очень убедительно играла женщину, изо всех сил сдерживающую рвущиеся наружу страсти.

Через несколько дней после Нового года натурные съемки закончились и группа отправилась в Лондон.

Там их уже поджидали вездесущие репортеры, которых больше всего интересовали слухи о романе Кларка Гейбла с Грейс Келли.

Семья Келли, до которой доходили все эти слухи, как обычно, забеспокоилась и поспешила вмешаться. Причем на этот раз сторожить и вразумлять Грейс прилетела не Лизанна, а сама Маргарет. Она сказала Грейс, чтобы та бросила глупости, а потом составила ей и Гейблу компанию за ужином.

Тот, будучи опытным донжуаном, сразу понял, что этот роман пора заканчивать. На Маргарет он постарался произвести самое приятное впечатление, а Грейс объявил, что все кончено, надо расстаться друзьями, и даже поставил у своих дверей в отеле охранника, чтобы тот не пускал ее к нему. За его плечами были

десятки романов и четыре брака, поэтому он хорошо знал, когда надо ставить точку.

Грейс этого не понимала, пыталась прорваться к нему в номер, плакала, жаловалась в письмах к подруге, но Гейбл был непреклонен и изо всех сил демонстрировал дружески-отеческое отношение к ней. Он даже проводил ее в аэропорт, когда она улетала, и пожелал ей доброго пути. Время показало, что он повел себя абсолютно правильно, – страсть в разлуке быстро прошла и в дальнейшем они с Гейблом встречались действительно как друзья и не раз появлялись вместе на различных голливудских мероприятиях.

Чувства Грейс скорее были сродни переживаниям школьницы, которой «разбил сердце» великий Гейбл, чем более серьезными. В конце концов она испытывала благоговейный трепет от самой возможности быть рядом с человеком, который столько лет находился на вершине, достигнув высот в своей профессии. Любая юная девушка трепетала бы, окажись она на месте Грейс.
Маргарет Келли

После «Могамбо» Грейс Келли стала признанной звездой,

пусть и только восходящей.

Журнал «Лук» назвал ее лучшей актрисой 1953 года, а Американская киноакадемия выдвинула ее на «Оскара» за лучшую женскую роль второго плана. Правда, ходили слухи, что на «Оскара» ее выдвинули не совсем за заслуги, а просто «Метро-Голдвин-Майер» сделала на нее большую ставку и нажала на все педали, чтобы награда досталась их восходящей звезде.

Почему студия сделала такую ставку на Грейс? Пожалуй, ей прежде всего повезло. Чтобы стать звездой в Голливуде, недостаточно было обладать талантом или внешностью. Мэрилин Монро (их с Грейс Келли очень удобно сравнивать, поскольку начинали они примерно одновременно, но шли к славе совершенно разными путями) долго не могла пробиться на первые роли, потому что сексапильных блондинок в Голливуде в то время и так хватало. Ниша была занята.

А вот место главной холодной блондинки как раз освободилось – безраздельно царившая в этом амплуа Ингрид Бергман бросила мужа и уехала в Европу с любовником, итальянским режиссером Роберто Росселини. Нужно было искать новую актрису, которая смогла бы воплощать на экране такой же образ «снежной королевы», под ледяной оболочкой которой бушует пламя. Студии стали спешно подбирать ей замену, и тут как раз вовремя появилась Грейс с ее холодной северной красотой и репутацией «горячей штучки». Она прекрасно вписывалась в тот образ истинной аристократки, который был нужен студиям.

Я не хочу, чтобы из моего лица делали оформление к картине. Если кому-то придет в голову использовать меня в качестве декорации, я выскажу все, что думаю по этому поводу.

Первым потенциал Грейс оценил сам великий и ужасный Альфред Хичкок.

В 1953 году он предложил Грейс роль в своем новом фильме «В случае убийства набирайте М». «Актриса, подобная ей, дает режиссеру известные преимущества, – говорил он, объясняя, чем именно понравилась ему Грейс. – Он может позволить себе снять более откровенную любовную сцену, если в ней играет леди, а не потаскушка. С простой актрисой это будет сама вульгарность. Но если в тех же обстоятельствах занята леди, сцена может получиться волнующей и прекрасной».

Грейс же, узнав, кто желает с ней работать, неожиданно запаниковала. Она довольно легко общалась с самыми звездными актерами, но вот с великими режиссерами прежде дела не имела, поэтому Хичкок задавил ее своим авторитетом еще до того, как они встретились. Как ни странно, это даже помогло ей – мэтр любил, когда актеры его слушались, поэтому робость и благоговение Грейс пришлись ему по нраву.

Оставалась одна сложность – Грейс по контракту была собственностью «Метро-Голдвин-Майер», а Хичкок снимал фильм для «Уорнер Бразерс». Решилось это по обычной схеме – «Уорнер Бразерс» взяли актрису в аренду, причем в «Метро-Голдвин-Майер» на этом отлично заработали: Грейс даже после повышения жалованья платили всего тысячу двести долларов в неделю, а за ее шестинедельную аренду запросили двадцать тысяч долларов.

Я не могла думать о том, что же ему сказать. При всем ужасе ситуации казалось забавным, что мозги, словно каменея, перестают соображать.
О знакомстве с Альфредом Хичкоком

Но прежде чем приступить к съемкам, Грейс должна была выполнить более раннее обязательство перед телевидением.

Ей надо было сыграть жену художника в телепостановке «Путь орла». Партнером ее стал известный французский актер Жан-Пьер Омон, имевший репутацию неотразимого сердцееда.

Тот в свою очередь уже знал, что будет играть с молодой и

очень красивой актрисой, и был настроен на приятный необременительный роман. Однако первая встреча с Грейс его несколько ошарашила. «От нее исходил какой-то космический холод, – рассказывал он. – Она была хороша, очень хороша, но при этом очень и очень строга». Даже попытку перейти на неформальный стиль общения она пресекла сразу и очень резко и первое время называла своего партнера исключительно «мистер Омон».

Все дело было в том, что он встретился с Грейс не в самый лучший период в ее жизни. Она еще переживала расставание с Кларком Гейблом и чувствовала себя униженной тем, как легко тот ее бросил. Но с другой стороны, в тот момент она, как никогда, нуждалась в утешении.

Омон был человеком опытным и все же нашел к ней подход. Помогло ему объявление администрации соседнего танцзала: «Дамы, не обижайте джентльменов! В конце концов мужчины – тоже люди». Омон с печальным видом показал это объявление Грейс, та расхохоталась, и после этого между ними все же начался необременительный и приятный для обоих роман.

Когда работа закончилась, они расстались и разъехались каждый в свою сторону, сохранив друг о друге самые приятные воспоминания.

– Как, по-вашему, актер может стать хорошим мужем?
– Нет. Но, с другой стороны, любой мужчина, а не только актер, вряд ли может стать хорошим мужем.
Из интервью Грейс Келли

На съемках фильма «В случае убийства набирайте М» Грейс по уши влюбилась в своего партнера Рэя Милланда.

Роль ей далась легко – она вновь играла саму себя и показывала перед камерой свои собственные эмоции, которые уже довольно неплохо выражала. Хичкок был от нее в восторге – она была живым воплощением его мечты: аристократичная и сдержанная снаружи, но пылкая внутри. «Все мужчины на съемках с ума сходили от нашей Грейс», – рассказывала Лизанна Келли, которую вновь приставили присматривать за сестрой.

Но настоящий роман у Грейс начался с актером Рэем

Милландом. Он был старше нее в два раза, являлся серьезным знаменитым актером, удостоенным «Оскара», и утверждал, что ухаживает за ней с самыми серьезными намерениями. Но увы, он был женат, причем он состоял в браке уже двадцать лет, и его жена Мюриэл пользовалась всеобщей симпатией.

Надо сказать, мораль 50-х годов была ханжеской и двуличной. Суть ее сводилась к тому, что можно все, лишь бы это было шито-крыто. Открыто сойдясь с женатым Милландом, Грейс бросила этой морали вызов, и это едва не погубило ее карьеру.

Семья Келли испугалась не на шутку. Убеждать Грейс расстаться с Милландом приехала сама Маргарет, и было ясно, что если ей это не удастся, в дело может вмешаться и сам Джек Келли. Но Грейс выслушала мать и согласилась с ее доводами. Для нее разгорающийся скандал стал неожиданностью, причем очень болезненной.

Я действительно считала, что их брак распался. Рэй сам мне об этом сказал. Откуда мне было знать, что у него много подобных увлечений и что я всего лишь одна из многих!

В конце 1953 года Альфред Хичкок задумал снимать следующий фильм и в главной роли пожелал снова увидеть Грейс Келли.

На сей раз он работал с киностудией «Парамаунт», на главную роль в картине, незамысловато названной «Окно во двор», был приглашен один из величайших американских

актеров, Джеймс Стюарт, а Грейс была предложена главная женская роль – подруги героя, с которой тот делится своими подозрениями насчет того, что, как ему кажется, он видел в одной из квартир убийство.

Но так получилось, что одновременно она получила еще одно заманчивое предложение – сняться в фильме «В порту». Оба сценария показались ей очень интересными, и не зря: обе картины до сих пор входят в сотню лучших фильмов в истории американского кино. Правда, драму «В порту» больше ценят кинокритики, а детективный триллер «Окно во двор» – зрители.

В итоге Грейс выбрала все-таки «Окно во двор», вероятно, следуя простой логике, что роль в этом фильме лично ей будет играть гораздо проще, а значит, она наверняка удастся.

Драма «В порту» рассказывала о портовых рабочих, и Грейс там предлагали сыграть девушку из бедного квартала, а что она знала о бедности и о работягах? Тогда как в картине «Окно во двор» ее героиня была красавицей и модницей – точь-в-точь сама Грейс времен ее учебы в Американской академии драматического искусства. Ей снова не надо было ничего особо играть, достаточно было быть на экране самой собой. Точнее, показывать одну из сторон собственной натуры, что она всегда умела делать блестяще.

Мне так хотелось сыграть такую замечательную роль, но я очень волновалась вначале ...Киностудия «Парамаунт Пикчерс» пошла на риск, позаимствовав меня у «Метро-Голдвин-Майер», и я продолжала волноваться: что же будет, если я разочарую их?

Ходили слухи, что Хичкок был в Грейс влюблен, и именно поэтому она в его фильмах так необычайно прекрасна.

Он лично выбирал костюмы для всех ее сцен, постоянно говорил о ее сексуальности, тратил по нескольку часов, наблюдая, как дубль за дублем снимают ее туфли крупным планом или то, как она целует партнера в лоб. Сам он говорил: «Я эксплуатировал тот факт, что ей известны плотские утехи, но не

открыто, а намеками… Идеальная женщина-загадка – это блондинка, утонченная, нордического типа… Мне никогда не нравились женщины, которые выставляют свои прелести всем напоказ».

У них вообще были довольно странные взаимоотношения – абсолютно сдержанные и вежливые, но с постоянными попытками подловить на чем-то, поставить в неловкое положение, при этом ни на минуту не сбиваясь с вежливого тона.

В любом случае сработались они прекрасно. И не только с режиссером – с партнером Грейс по фильму Джеймсом Стюартом они стали прекрасным актерским тандемом. Причем отношения у них были исключительно профессиональные – Стюарт был счастливо женат, и они по обоюдному согласию не заходили дальше легкого флирта на съемочной площадке.

Фильм «Окно во двор» вышел в прокат летом 1954 года и побил все рекорды по кассовым сборам. Это был уже не просто успех, а настоящий триумф. Грейс не зря предпочла его драме «В порту» – в том фильме она стала бы лишь «второй скрипкой», оттеняющей главного героя, тогда как в «Окне во двор» именно она в центре внимания, и даже великий Джеймс Стюарт уступает ей первенство.

Мистер Хичкок научил меня всему, что нужно уметь в кино. Благодаря ему я узнала, что сцены убийств должны сниматься как любовные сцены, а любовные сцены – как сцены убийств.

Еще до того как была закончена работа над «Окном во двор», Грейс снялась в эпизодической роли в фильме «Мосты у Токо-Ри»

Неожиданно эта маленькая роль стала для нее по многим причинам очень важной и оказала серьезное влияние на ее дальнейшую жизнь.

В-первых, продюсировали этот фильм Уильям Перлберг и Джордж Ситон, которые заметили ее и впоследствии пригласили на главную роль в свою новую картину «Деревенская девушка». Во-вторых, там она впервые снялась в купальнике и в постели с мужчиной, что помогло ей быстрее стать признанным секс-символом. Ну и наконец, в-третьих, там она познакомилась с Уильямом Холденом, ее новой любовью и отчасти виновником того, что она не вышла замуж за первого жениха, которого ее родители наконец-то одобрили.

В фильме «Мосты у Токо-Ри» Грейс играла жену морского офицера, добивающуюся свидания с мужем накануне боевой операции, в которой тот погибает. Ее мужа играл как раз Уильям Холден – талантливый тридцатипятилетний актер, уже имевший «Оскара» и снявшийся в немалом количестве знаменитых фильмов. Он был женат, но не слишком счастливо, и все знали, что брак его уже давно на грани распада.

Незадолго до встречи с Грейс он пережил бурный роман с Одри Хепберн, с которой вместе играл в «Сабрине». Но Одри порвала с ним, когда узнала, что он сделал операцию, чтобы не иметь больше детей. Холден болезненно переживал этот разрыв и утешился романом с Грейс, тоже, впрочем, совершенно серьезным – дело дошло до знакомства с ее родителями.

Грейс – это женщина, которая должна занимать активную позицию в жизни. У нее такой характер... Я уверен в одном: Грейс никогда не будет счастлива, пребывая в покое и бездействии.
Уильям Холден

Как обычно, завершилось все после знакомства очередного претендента на Грейс с Джеком Келли.

По воспоминаниям Холдена, тот говорил с ним абсолютно похамски, в результате чего он взорвался, послал папашу Грейс к черту и уехал. Со своей стороны Джек Келли тоже был крайне возмущен, и больше всего отпором, который дал ему Холден. Для него тот был всего лишь «актеришкой», несмотря на его огромные гонорары и многочисленные награды. Впрочем, Джек и к успехам дочери относился без почтения, снисходительно радуясь тому, что она хоть куда-то устроилась, раз уж не получила приличного образования в колледже.

Тогда у Грейс родилась «гениальная» идея. Она предложила Холдену перейти в католичество – тогда формально он в глазах католической церкви будет не женат. А если его таковым признает церковь, то придется смириться и родителям.

Холден в ответ сказал: «Да провалиться мне на этом месте, если я позволю попам указывать мне, что и как я должен делать!» После чего он предпочел сам прекратить отношения с Грейс. Своему психологу он позже объяснял, что ушел, хоть и продолжал еще любить ее, поскольку понял – их отношения обречены. Он

был одним из немногих, кто сумел разглядеть такие черты ее характера, как инфантильность и желание переложить на кого-нибудь ответственность. А он не готов был слушаться вместе с ней ее отца и священника и не готов был стать для нее новым отцом и все за нее решать. Значит, надо было расставаться.

А тем временем Грейс пригласили в фильм «Деревенская девушка»

Пьеса, по которой был написан сценарий, была бродвейским хитом, и все были уверены, что фильм тоже будет иметь большой успех.

На роль Фрэнка практически сразу утвердили одного из самых знаменитых американских певцов, звезду сцены и музыкального кино Бинга Кросби. А вот вокруг роли Джорджии развернулось настоящее сражение. Победила жена одного

влиятельного продюсера, но… за несколько недель до съемок выяснилось, что она беременна, поэтому пришлось срочно искать другую актрису. И тогда режиссер вспомнил про Грейс.

Но на «Метро-Голдвин-Майер» согласилось вновь отдать ее в аренду «Парамаунту», только если она потом снимется в одном из предлагавшихся ей на студии боевиков. Пришлось соглашаться.

Роль в «Деревенской девушке» стала для Грейс вызовом, проверкой ее актерского таланта. Если прежде она всегда играла саму себя, то невзрачная, немодно одетая, неулыбчивая, унылая, но очень волевая Джорджия была фактически ее полной противоположностью.

Но мало было измениться внешне, надо было еще и сыграть нужные эмоции. И Грейс это удалось. Уроки Мейснера прошли не зря, в глазах ее героини была такая тоскливая обреченность, что сжимались сердца не только обычных зрителей, но и профессионалов. За эту роль Грейс вновь выдвинули на «Оскара», и на этот раз никто не мог бы сказать, что это недостаточно заслуженно.

Если я не смогу сниматься в этом фильме, я сяду на поезд и никогда больше не вернусь. Я перестану сниматься в кино.
Грейс о фильме «Деревенская девушка»

Съемки проходили для Грейс достаточно сложно из-за специфической ситуации на площадке.

Бинг Кросби, игравший роль Фрэнка, влюбился в нее, да и она была в общем-то не против ответить на его чувства. Тем более что он был католиком и вдовцом, поэтому в кои-то веки семья не была против ее романа. Но по иронии судьбы вторую мужскую роль там играл не кто иной, как Уильям Холден, которого Грейс все еще не могла забыть.

Холден, правда, не стремился продолжать отношения, и когда Кросби признался, что влюблен, и спросил, не соперники ли они, он благородно отошел в сторону, предоставив тому ухаживать за Грейс безо всякой конкуренции.

Вскоре вся пресса трубила об их романе, благо оба были свободны, а значит, не нарушали требования морали. Маргарет Келли лично прилетела в Голливуд, познакомилась с Кросби и

одобрила его кандидатуру, все ждали свадьбу… вот только Грейс забыли спросить, хочет ли она за него замуж.

А она не хотела. Что поделать, в Бинга Кросби она так и не влюбилась. Возможно, сказалось присутствие еще не забытого Холдена, а может быть, просто была не судьба…

Как бы то ни было, но сразу после окончания съемок «Деревенской девушки» Грейс рассталась с Бингом Кросби. Причем впоследствии она всегда отрицала, что между ними было что-либо кроме платонического романа. Кросби же делал вид, что не особо расстроен, а на вопросы журналистов отвечал: «Будь я на пятнадцать-шестнадцать лет моложе, я с удовольствием встал бы в длинную очередь мужчин, соревнующихся за ее благосклонность».

В 1954 году, закончив работу на «Парамаунт», Грейс вынуждена была выполнить свои обязательства перед «Метро-Голдвин-Майер»

Из предлагавшихся ей сценариев она выбрала самый приемлемый – «Зеленое пламя» – приключения в джунглях Колумбии со звездным красавцем Стюартом Грейнджером в

качестве партнера. «Кошмарное путешествие, – вспоминала она впоследствии, – мы таскались по жаре и пыли, и никто толком не знал, что и как надо делать». Не понравился ей и Грейнджер, которого она назвала самым заносчивым типом, какого она когда-либо встречала.

Последней каплей стал рекламный постер фильма, на котором ей умудрились пририсовать огромный бюст. После этого Грейс дала себе зарок, что ни за что больше не согласится на участие в таком вульгарном проекте, и решилась даже пойти на открытый конфликт с «Метро-Голдвин-Майер». Тем более что «Парамаунт» как раз предложил ей новый многообещающий проект – главную роль в следующем фильме Хичкока «Поймать вора».

Любопытно, но попасть в эту картину ей в конце концов помог Уильям Холден – «Метро-Голдвин-Майер» очень хотели заполучить его в свой следующий фильм, и после долгих переговоров согласились обменять Грейс на него. Правда, «Парамаунту» пришлось еще доплатить им пятьдесят тысяч долларов.

Я закончила съемки «Зеленого пламени» в одиннадцать утра. В час я уже была в студии звукооператора, а в шесть вылетела во Францию.

Пожалуй, Грейс влюблялась слишком часто и слишком неудачно, и сама уже стала от этого уставать.

Возможно поэтому, еще одному ее поклоннику, появившемуся на горизонте, был сразу дан от ворот поворот.

Звали поклонника Олег Кассини-Лоевский. Его отец, Александр Лоевский, был русским дипломатом, бежавшим после революции в Европу. Что касается матери, Маргариты Кассини, то она… тоже была русской. Ее прадед, граф Виктор Иванович Кассини, был итальянцем, поступившим в 1790 году на русскую службу.

Олег рос в Греции и Италии, получил образование в Париже, работал в США. К моменту знакомства с Грейс он уже был достаточно известным модельером, работал дизайнером на киностудиях «Парамаунт» и «Двадцатый век Фокс», а в начале 60-х ему предстояло стать модельером Жаклин Кеннеди.

Но Грейс отнеслась к нему пусть любезно, но равнодушно. «Требовалась программа действий, романтичная, даже немного глупая, чтобы растопить ее внешнюю холодность», – вспоминал Олег.

Не обескуражило его и то, что на третьем свидании Грейс сказала, что влюблена в другого. Олег был уверен, что когда кого-то любят по-настоящему, с другим на свидания не ходят. Значит, надо просто подождать, пока эта влюбленность пройдет. И вот наконец его ожидание увенчалось успехом: перед отъездом во Францию на съемки «Поймать вора» Грейс отправила ему открытку с надписью: «Кто любит меня, тот последует за мной».

Если история моей реальной жизни будет когда-нибудь рассказана, люди поймут, что я была живым существом, а не сказочным персонажем.

На съемки картины «Поймать вора» Грейс ехала воодушевленная и готовая к работе.

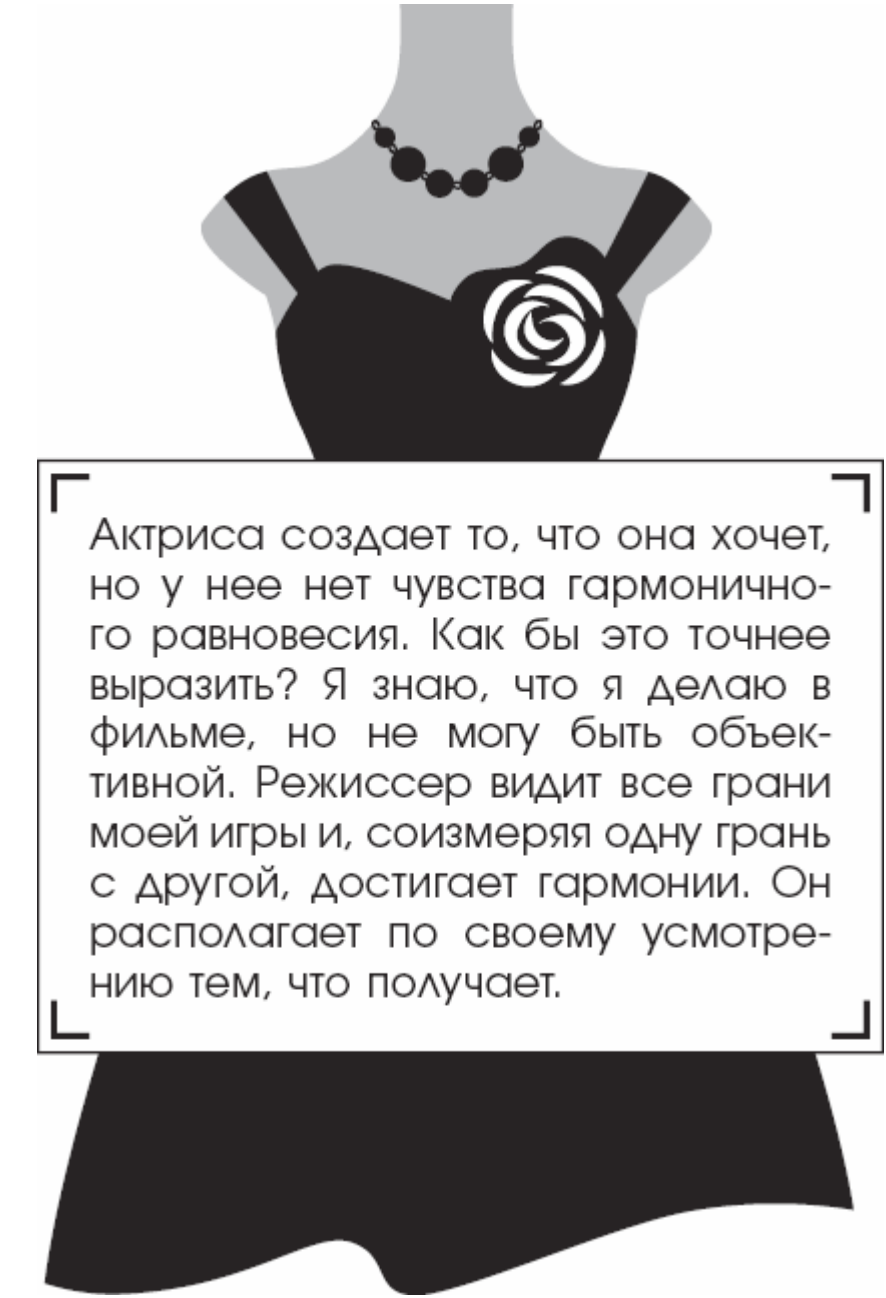
После тяжелой драматической «Деревенской девушки» и безвкусного «Зеленого пламени» вновь перевоплотиться в изысканную, сдержанную и пылкую девушку-фантазию Хичкока для нее было настоящим праздником.

Ее героиня, Фрэнсис Стивенс, была чем-то вроде новой, более авантюрной версии Лайзы Фремонт из «Окна во двор». Богатая, страстная, капризная, влюбленная в приключения и, конечно, в искателя приключений, Фрэнсис Стивенс была именно той женщиной, какой сейчас хотела чувствовать себя сама Грейс. Да и весь фильм с его яркими красками, головокружительными гонками по горному серпантину и карабканьем по крышам полностью отвечал ее настроению. Разочарования и депрессии были позади, Грейс Келли снова хотела любить и радоваться

жизни.

Хичкок, словно чувствуя, что это его последняя работа с Грейс, выжимал из нее все, на что она была способна. В том числе и в плане льда и пламени ее сексуальности, скрытой за холодным аристократическим обликом.

Впрочем, критиковали Грейс после этого фильма не менее рьяно, чем восхищались. Роль Фрэнсис окончательно сделала ее секс-символом, что не могло не раздражать блюстителей нравственности. Но Хичкока это только радовало – он хотел создать образ, вызывающий нескромные фантазии при внешней благопристойности, и у него это получилось.


Актриса создает то, что она хочет, но у нее нет чувства гармонично-го равновесия. Как бы это точнее выразить? Я знаю, что я делаю в фильме, но не могу быть объек-тивной. Режиссер видит все грани моей игры и, соизмеряя одну грань с другой, достигает гармонии. Он располагает по своему усмотре-нию тем, что получает.

Пожалуй, никогда еще Грейс не получала такого удовольствия от процесса работы над фильмом.

Идеальным было все – роль, режиссер, партнер, место съемок, атмосфера на площадке и времяпрепровождение на отдыхе. Они с Хичкоком отлично понимали и ценили друг друга, причем не только на работе, но и вне ее. Партнер Грейс по фильму, Кэри Грант, заслуженно считающийся одним из трех величайших

актеров США, тоже оказался в жизни веселым и обаятельным человеком, без малейших признаков «звездной болезни».

В другой ситуации Грейс наверняка бы влюбилась в Гранта, что могло бы стать очередным разочарованием, ведь он в то время был счастливо женат на Бетси Дрейк. Но все сложилось как нельзя удачнее – у нее был Кассини, у Гранта – Бетси, сопровождавшая его на съемках, Хичкок тоже был с женой, и в итоге они все вшестером прекрасно проводили время вместе, катаясь по живописным окрестностям и обедая в шикарных ресторанах.

Такой свободной и веселой Грейс себя не чувствовала со времен съемок в «Могамбо». Но была и разница. Хотя с тех пор прошло всего полтора года, она уже была не юной дебютанткой, а опытным профессионалом. Ей уже не нужно было попробовать всего и побольше, пока мама с папой не видят, теперь она могла просто расслабиться и отдыхать.

Правда, во время съемок она умудрилась чуть не сорваться в машине с утеса, но поскольку все обошлось благополучно, этот эпизод был благополучно забыт… почти на тридцать лет.

Грейс хотела, чтобы ее считали серьезной. В ее глазах не было потребительского интереса к одежде, у нее был умный взгляд – критерий, по которому можно судить о серьезности человека.
Олег Кассини

Олег Кассини прибыл во Францию следом за Грейс и возобновил ухаживания с новым пылом, тем более что теперь она принимала их куда благосклоннее.

Правда, принимать-то принимала, но сама отвечать не спешила – вспоминая эти дни, Олег вздыхал: «Наши отношения были до обидного платоническими!»

В конце концов он решил действовать прямо, все-таки он был

уже далеко не мальчик, чтобы годами обхаживать понравившуюся девушку. Он и так потратил на нее несколько месяцев, ничего не получая взамен. Примерно так он ей и сказал, когда они отправились на пикник перед началом съемок. Напомнил, сколько времени уже преданно любит ее, и предложил прекратить игры и ответить либо да, либо нет.

«Она промолчала, – вспоминал он, – но посмотрела на меня так, что я понял – это победа!» С пикника они отправились в отель, где Грейс наконец-то вознаградила его за месяцы ожидания.

Олег Кассини отличался от всех прежних увлечений Грейс. Он знал себе цену и умел завоевывать уважение, и в то же время он сумел во многом стать для Грейс таким «отцом», какого она искала – он баловал ее, провоцировал на озорство, наряжал, развлекал и опекал.

И однажды вечером Грейс решилась и заговорила с ним так же прямо, как несколько недель назад он с ней. «Мне бы хотелось устроить свою жизнь с тобой, – сказала она. – Я хочу за тебя замуж». За плечами Олега были два не слишком счастливых брака, но он прекрасно понимал, что в такой ситуации колебаться нельзя, и сразу ответил: «Хоть сейчас».

В моей жизни были счастливые моменты, но я не считаю, что счастье – ощущение себя счастливой – это состояние, в котором каждый может пребывать пожизненно. Жизнь устроена иначе.

Когда Джек Келли услышал о помолвке дочери, то пришел в ярость, и жене с трудом удалось его успокоить.

Для него преуспевающий модельер аристократического происхождения был «жалким итальяшкой» (фамилия у него была итальянская, а глубже Джек вникать не желал), «женским

портным» и проходимцем. К тому же Олег был православным, ну и, наконец, дважды разведенным.

Более гибкая Маргарет познакомилась с Олегом и сказала ему: «Мистер Кассини, вы очаровательный кавалер, но, на мой взгляд, выйти за вас замуж было бы неоправданным риском». Тот вежливо ответил: «Интересные мужчины, в том числе и ваш собственный супруг, всегда пользуются популярностью у противоположного пола. За что же меня наказывать?»

Маргарет оценила его настойчивость и поняла, что так просто от этого претендента на Грейс не избавиться. Поэтому она выдвинула требование – шестимесячный испытательный срок.

Олег рассчитывал, что Грейс вмешается, возразит матери, но она молчала, и ему тоже ничего не оставалось, как согласиться.

Немного взбодрило его только то, что в Нью-Йорке она сразу же стала прежней и объяснила ему, что придется изображать, будто они не видятся, чтобы родители поверили в ее подчинение, но на деле их отношения останутся прежними. Что поделать, притворство давно уже стало частью ее натуры. Олегу оставалось лишь согласиться, и ближайшие недели они провели вместе, стараясь только не попадаться на глаза журналистам.

Через некоторое время Грейс уехала в Голливуд, заканчивать работу над картиной «Поймать вора», и там, вдали от родителей, вновь стала посмелее.

Поэтому она заговорила с Олегом о том, чтобы все-таки пожениться без разрешения. С ее стороны это была неслыханная смелость, и он оценил это по достоинству. Поскольку он не был особо религиозен, то решил перейти в католичество и тем самым убрать хотя бы две причины для неприязни со стороны ее отца –

религию и два развода.

От свадьбы их отделял только шаг, но… он так и не был сделан. «Мы тянули время, – вздыхал впоследствии Кассини, – и в конце концов момент был упущен». Рассказывая об этом, всегда благородно брал всю вину на себя. Ведь он один раз уже заставил любимую женщину пойти против семьи – вторая жена ради него бросила вызов родителям и надолго с ними рассорилась. Он хорошо помнил это тяжелое время и не решился настаивать, чтобы то же самое сделала для него Грейс.

Но конечно, на самом деле виноваты были оба – он побоялся настаивать, а Грейс сама не была способна хоть на какие-то решительные действия. Сказать по правде, она ведь каждого из своих женихов ставила в такое положение: заставляла его пройти через унизительное знакомство с ее семьей, а потом ждала от него, что он сам за нее все решит и поведет ее под венец как-нибудь так, чтобы вся ответственность за это была на нем, а не на ней. Но никто из них, даже Олег Кассини, на это так и не решился.

Вы понимаете, что если бы моя мать не была так категорически настроена против Олега Кассини, то, возможно, я бы вышла за него замуж?
Из на редкость откровенного интервью Грейс Келли

Слава Грейс росла, а вот новых ролей у нее все не было. На «Метро-Голдвин-Майер» ей предлагали играть лишь

скучных безликих кукол в пошлых вестернах и боевичках вроде «Зеленого пламени», о котором она вспоминала с содроганием. Боссы киностудии стали на нее давить и напоминать, что это благодаря им она стала звездой. Но Грейс этим было не пронять, она хорошо помнила и то, что сразу не хотела подписывать с ними контракт, и то, сколько они заработали, сдавая ее в аренду «Парамаунту».

Тогда студия пошла на решительный и, как показало ближайшее будущее, очень глупый шаг – Грейс уведомили, что действие ее контракта временно приостановлено, а это значит, что ей больше не будет выплачиваться жалованье, а любая ее попытка сняться в фильме другой компании повлечет за собой судебный иск.

Но в декабре 1954 года на киноэкраны вышла «Деревенская девушка», и слава Грейс выросла до небес. Влиятельный нью-йоркский «Кружок театральных критиков» назвал ее лучшей актрисой 1954 года, а главное – ее выдвинули на «Оскар» за главную женскую роль. Киностудия рисковала оказаться в глупейшем положении, расторгнув контракт со своей самой ценной актрисой.

В итоге 21 марта 1955 года руководители «Метро-Голдвин-Майер» официально объявили о возобновлении контракта и дали большое интервью, где рассказывали, как они ценят Грейс и как хотят поддержать ее «в этот важный для нее период, когда ее выдвинули на награду академии». Об отвергнутых ею сценариях было решено просто забыть, другие найдутся.

Все, что мне нужно было делать, – это носить тридцать пять разных костюмов, выглядеть прелестной и испуганной... Я просто подумала, как же мне будет скучно.

О ролях, предлагаемых ей киностудией «Метро-Голдвин-Майер»

Наконец настал великий час торжества – 30 марта 1955 года Грейс получила «Оскара»

Она обошла таких актрис, как Одри Хепберн (за фильм «Сабрина») и Джуди Гарленд (за фильм «И родилась звезда»).

Сказать по правде, роль в «Деревенской девушке» у Грейс не самая лучшая. Но так уж получилось, что «Оскара» ей вручили именно за нее, хотя фактически это было признанием ее заслуг в

целом. Это до сих пор довольно распространенная практика в Голливуде – когда актера или режиссера раз за разом «прокатывают» с наградой, а потом вручают ее за какой-нибудь не самый удачный фильм, просто потому что он эту награду давно заслужил. Так было и с Грейс – этого «Оскара» ей дали за «Окно во двор», «В случае убийства набирайте М» и даже за «Поймать вора», ведь некоторые критики уже видели черновой вариант картины.

Грейс расплакалась на церемонии, потом отправилась на банкет, потом на другой и вернулась домой только под утро. Но еще до всех празднований, сразу после торжественной церемонии, она сняла трубку и позвонила… нет, не родителям, которые все равно не нашли бы для нее доброго слова. Она позвонила Дону Ричардсону – человеку, который когда-то первый сказал, что она будет кинозвездой.

Дон как раз закончил смотреть вручение «Оскара», когда зазвонил телефон. Он снял трубку и с изумлением услышал голос Грейс: «Спасибо тебе, дорогой…»

Я любила играть. Любила работать в театре и сниматься в кино. Мне не нравилось быть только кинозвездой. Это большая разница.

После получения «Оскара» положение Грейс на голливудском Олимпе стало незыблемым.

Но, увы, хороших сценариев ей на «Метро-Голдвин-Майер» по-прежнему не предлагали, а сниматься у других кинокомпаний не отпускали ни за какие деньги. Поэтому так и получилось, что на пике своей славы Грейс оказалась в годовом творческом

простое.

Именно в это время она познакомилась с человеком, которому предстояло сыграть важную роль в ее жизни – фотографом Хауэллом Конантом. Нет, он не был ее очередной любовью, но… возлюбленные приходили и уходили, а он оставался другом и одним из самых ценных для Грейс людей до самой ее смерти.

Началось их знакомство с того, что весной 1955 года Конант решил поэкспериментировать и предложил Грейс сфотографировать ее выныривающей из воды.

Эти фотографии стали настоящей сенсацией. Пожалуй, если бы Грейс еще не была звездой, она стала бы таковой после того, как снимки появились на страницах журнала «Коммерс». Конант сумел сделать то, что до этого удавалось только Хичкоку – найти идеальный образ, в котором Грейс казалась зрителю не просто женщиной, а мечтой, богиней грез.

Карьера Конанта после этого резко пошла вверх – первые звезды Голливуда и знаменитейшие политики выстраивались в очередь, чтобы сфотографироваться у него. Но как бы он ни был занят, его сотрудничество с Грейс продолжалось до самой ее гибели в 1982 году – все лучшие ее снимки сделаны именно им.

Весной 1955 года Грейс отправилась во Францию на Каннский фестиваль в качестве приглашенной звезды.

Ехала она туда с достаточно тяжелым чувством – еще слишком живы были воспоминания о романе с Олегом Кассини, начавшемся именно там, на юге Франции. Но в Каннах ее ждала

неожиданная приятная встреча – там в это же время находился ее старый друг-возлюбленный Жан-Пьер Омон.

Их роман возобновился, и она решила задержаться в Каннах, отдохнуть и подумать о будущем. Но даже там она была все равно в некотором роде на работе, поэтому не было ничего удивительного, что в один прекрасный день у нее оказалась назначена фотосессия с князем Монако. Нельзя сказать, чтобы Грейс так уж рвалась на эту встречу. У нее и без того было много дел, да еще к тому же в тот день не было электричества, поэтому ей пришлось ехать с мокрой головой и в единственном глаженном платье, которое нашлось в шкафу.

По пути их машина умудрилась угодить в небольшую аварию, а во дворце пришлось еще целый час ждать князя Ренье, занятого с другими гостями. Впрочем, когда он наконец явился, Грей он даже понравился своей вежливостью, безупречным произношением и тем, как он, показывая ей зверинец, гладил тигра, как домашнюю кошку. Князь в свою очередь был очарован ее красотой, но и только. В тот день ни он, ни она не собирались как-то продолжать это знакомство.

Короткая встреча Грейс с князем Монако не стала лишь мимолетным эпизодом в жизни обоих, а имела последствия, причем достаточно неожиданные для них обоих.

Дело в том, что Грейс спустя несколько дней написала князю письмо, где благодарила за приятную встречу. Ренье вежливо и доброжелательно ответил, поскольку на него произвели впечатление и ослепительная красота Грейс, и ее хорошие манеры, и эта неожиданная вежливость. Он был наслышан о

капризах и безобразном поведении голливудских звезд, готовился к худшему, и контраст между ожидаемым и увиденным его приятно поразил. «Я был приятно удивлен, – рассказывал он впоследствии, – поскольку находился под впечатлением увиденного в кино или прочитанного, а все оказалось совершенно не так, как я ожидал».

Грейс вежливо ответила на его письмо, он ответил на ее, так они сами и не заметили, как между ними завязалась довольно оживленная дружеская переписка. И если Грейс очаровала князя еще при встрече, то он произвел на нее впечатление, именно пока они переписывались. В личном общении он казался слишком сухим и сдержанным из-за некоторой застенчивости, усиленной оковами этикета. А вот в письмах раскрывался как остроумный, эрудированный и дружелюбный собеседник. Неудивительно, что через несколько месяцев они были уже почти друзьями, хоть и виделись всего один раз в жизни.

Я знал с самого начала, что могу доверять княгине. Это было одной из причин, почему я сразу проникся уверенностью, что она – женщина, которую я ищу.
Принц Ренье

«Метро-Голдвин-Майер» наконец-то предложили Грейс роль, на которую та согласилась.

Причем вполне вероятно, что ее к этому подтолкнула именно переписка с князем, потому что ничего особо примечательного ни в самом фильме «Лебедь», ни в ее героине Александре не было,

если не считать того, что Грейс предстояло сыграть невесту принца, выбирающую между любовью и долгом.

Возможно, она уже что-то знала о том, что князю Ренье подыскивают невесту, и мысленно примеряла на себя эту роль. Стать настоящей принцессой? Почему бы и нет? Она уже достигла всего, что только можно в своей профессии – стала звездой, сыграла у великого режиссера, получила «Оскара». Грейс чувствовала, что достигла потолка как актриса, дальше будет только путь вниз. К тому же она давно хотела замуж, а в последнее время стала с завистью поглядывать на подруг, за последние два-три года обзаведшихся детьми.

Впрочем, даже если она об этом и думала, то уж точно никому не говорила. Даже наоборот, когда ее монакскую фотосессию увидели в США и пошли слухи о ее романе с князем, Грейс это рьяно отрицала и клялась, что перекинулась с ним лишь несколькими словами и больше ни разу не виделась. Что в общем-то было чистой правдой. О переписке она не сказала ни слова, и Ренье по достоинству оценил ее сдержанность.

После окончания съемок в «Лебеде» Грейс узнала, что князь собирается посетить США, среди других городов заедет и в Филадельфию, а там – непременно заглянет к ней с неофициальным дружеским визитом.

Если бы я встретила принца двумя или тремя годами раньше, вероятно, я не вышла бы за него замуж, по крайней мере так быстро. Но мы встретились вовремя ... По-другому и быть не могло.

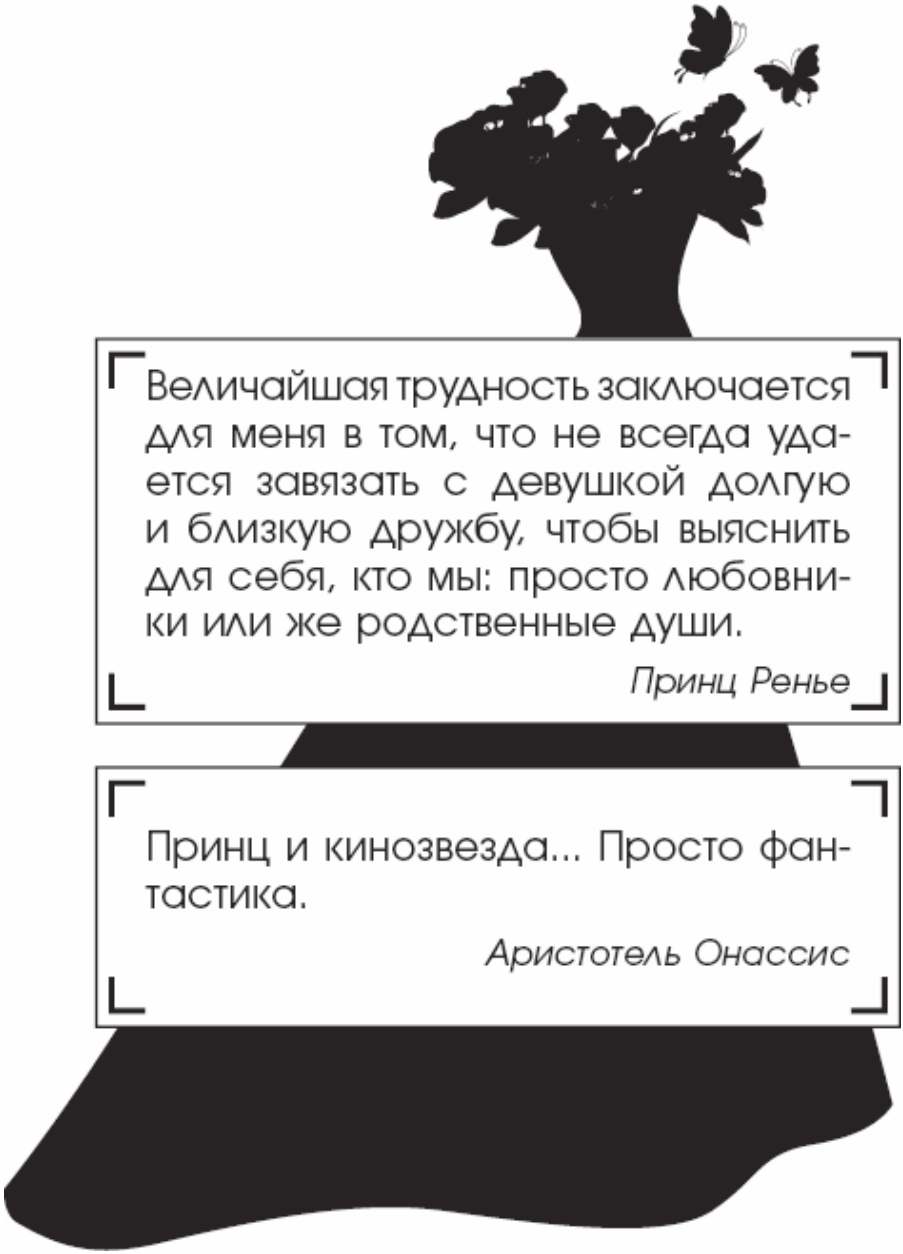
Князь Ренье действительно подыскивал себе супругу.

Ему уже исполнилось тридцать два года, и он был обязан произвести на свет наследника, иначе династия бы прервалась. Конечно, в Европе хватало незамужних принцесс, но ситуация была такова, что сейчас Монако требовалась отнюдь не принцесса, а звезда.

К середине XX века популярность Монако у туристов, желающих проиграть там свои состояния, значительно упала, и княжество испытывало серьезные финансовые трудности. И тогда миллионеру Аристотелю Онассису, который вкладывал деньги в монакские казино и фактически владел половиной княжества, пришла в голову мысль, что Ренье надо жениться на какой-нибудь мировой знаменитости. Такая «звездная» княгиня могла бы вновь привлечь в Монако разбежавшуюся по другим курортам публику. Началось «зондирование почвы», например, у Мэрилин Монро полушутя интересовались, не хочет ли она стать княгиней.

При этом сам князь оставался в полном неведении о ведущихся за его спиной поисках, но, как оказалось, двигался в том же направлении. Конечно, он никогда не имел недостатка в женщинах, желающих скрасить его одиночество. Но в отличие от Онассиса он руководствовался не только сиюминутными интересами, потому что понимал – ему, как князю и доброму католику, придется жить с выбранной женой всю жизнь.

Возможно, будь у них с Грейс обычный роман, из него тоже ничего бы не вышло, но переписка помогла им стать друзьями прежде, чем они задумались о любви и тем более браке.


Величайшая трудность заключается для меня в том, что не всегда удается завязать с девушкой долгую и близкую дружбу, чтобы выяснить для себя, кто мы: просто любовники или же родственные души.
Принц Ренье
Принц и кинозвезда... Просто фантастика.
Аристотель Онассис

В качестве катализатора отношений принца Монако и Грейс Келли выступил княжеский капеллан и исповедник отец Такер.

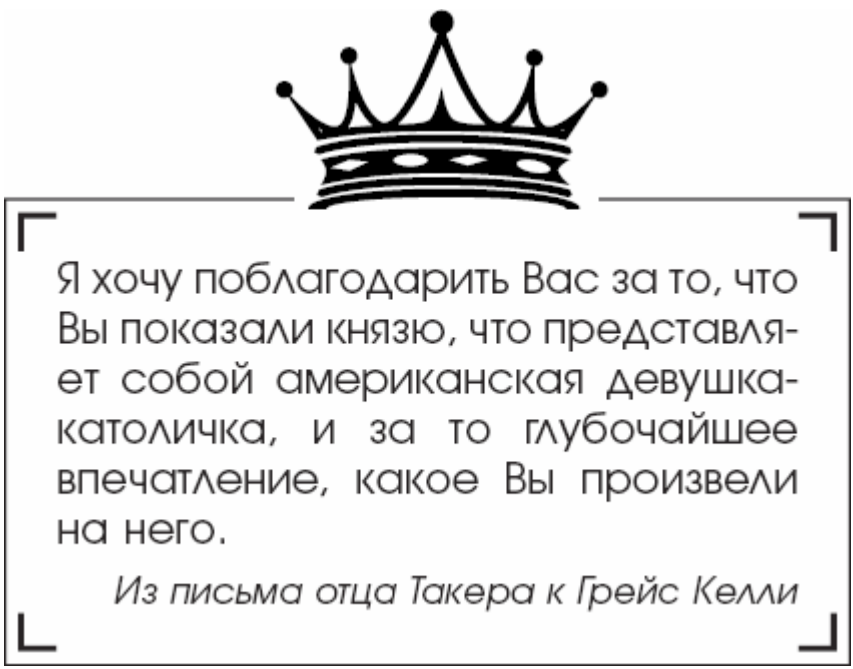
Ренье поделился с ним своими мыслями насчет прекрасной девушки, с которой так легко и приятно переписываться, и тот очень этим заинтересовался.

Летом 1955 года отец Такер познакомился со старым другом семьи Келли, Рассом Остином, который вместе с женой отдыхал в

Каннах. Он подробно расспросил их о Грейс и ее семье, после чего стал инициатором посещения Филадельфии, чтобы Ренье смог вновь встретиться с Грейс.

Известно, что в США князь ехал уже с намерением присмотреться к ней и, если решит, что не ошибся в своем выборе, сразу сделать предложение. Во всяком случае, он перед отъездом уведомил Францию, под протекторатом которой находилось Монако, что намерен найти себе в Америке невесту. А учитывая, что список кандидаток был невелик и в нем была всего одна голливудская звезда (требования Онассиса со счетов сбрасывать было нельзя), можно быть практически уверенным, что выбор он сделал заранее.

Пресса сделала из этой поездки романтическую историю, напомнив всем, что в случае отсутствия у Ренье наследника Монако потеряет независимость и станет частью Франции. Это было не совсем так, но зато как красиво звучало! Публика с восторгом следила за принцем, отправляющимся в путешествие, чтобы найти свое счастье и спасти свою страну.


Я хочу поблагодарить Вас за то, что Вы показали князю, что представляет собой американская девушка-католичка, и за то глубочайшее впечатление, какое Вы произвели на него.
Из письма отца Такера к Грейс Келли

25 декабря 1955 года князь Ренье нанес визит семье Келли.

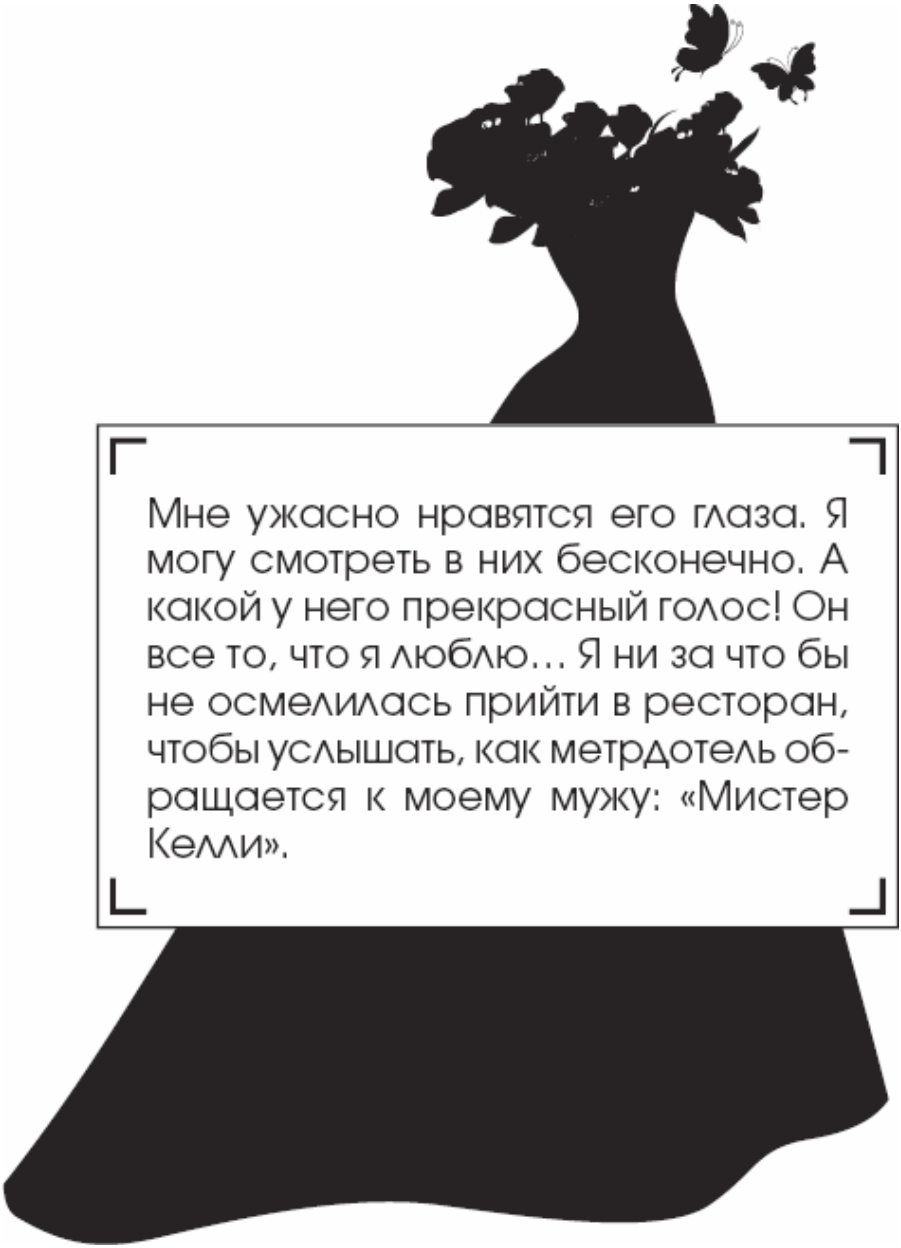
Встреча прошла гладко, чему немало способствовал отец Такер, сразу понравившийся Джеку Келли. «Мой отец с первого взгляда мог распознать священника-ирландца, – рассказывала об этом знакомстве Пегги. – «Отец Такер, – сказал он, –

присаживайтесь, и я угощу вас сигарой».

Грейс держалась напряженно и заметно нервничала – она знала о том, что князь приехал в Америку за невестой, и понимала, что это не просто визит, а знакомство с ее семьей.

Супруги Келли к тому моменту уже тоже знали о намерениях гостя, причем совершенно точно, – отец Такер все им рассказал еще накануне вечером. И хотя Джек продолжал относиться к иностранцам пусть и титулованным с подозрением, на всякий случай считая их всех проходимцами (к тому же он слабо представлял себе, что такое Монако и где это находится), но поводов для возражений у него не было – Ренье был католиком, в браке прежде не состоял и занимал высокое положение.

Что же, все формальности были соблюдены, и когда 28 декабря Грейс приехала в Нью-Йорк на урок вокала (она уже подписала договор на участие в еще одном фильме), она сразу позвонила подругам и сообщила им, что выходит замуж. Потом они еще целый день гадали, кто же этот счастливый избранник, а когда Грейс назвала имя князя Монако, долго не хотели верить. Впрочем, это вполне объяснимо – они же не знали об их переписке и не понимали, как можно за пять дней познакомиться, влюбиться и решить пожениться.


Мне ужасно нравятся его глаза. Я могу смотреть в них бесконечно. А какой у него прекрасный голос! Он все то, что я люблю… Я ни за что бы не осмелилась прийти в ресторан, чтобы услышать, как метрдотель обращается к моему мужу: «Мистер Келли».

Новость о том, что князь Монако женится на голливудской звезде Грейс Келли, распространилась по Америке со скоростью света.

Уже на следующий день все газеты запестрели статьями и фотографиями, строя самые фантастические предположения о том, как развивался их роман. Всю эту шумиху радостно поддерживали на «Метро-Голдвин-Майер», где сразу поняли, что такая реклама бывает раз в сто лет.

Ренье это не слишком понравилось, он считал, что его личная жизнь – его личное дело, и не собирался пускать репортеров дальше гостиной. Но Джек Келли, лучше представлявший, что такое американская пресса, а главное – всегда любивший быть в центре внимания, быстро объяснил ему, что от журналистов все равно не скрыться, а значит, надо самим срежиссировать «спектакль» для репортеров и фотографов.

Было устроено два вечера с участием прессы – в Филадельфии в кругу семьи и на благотворительном балу в Нью-Йорке. Ренье это сильно раздражало, и он даже обронил несколько фраз насчет того, что он не собственность «Метро-Голдвин-Майер» и не обязан улыбаться перед их камерами. Впрочем, дальше небольшого ворчанья дело не зашло.

Я действовала, повинуясь инстинкту. Но, с другой стороны, я всегда так поступала. Просто нас свел случай как раз в то время, когда мы оба созрели для брака. В жизни каждого из нас наступает момент, когда надо выбирать.

Грейс нужно было еще уладить кое-какие личные дела, чтобы начать новую жизнь с чистой совестью.

Она написала о своей помолвке Джину Лайонзу и Жан-Пьеру Омону, а с Олегом Кассини попрощалась лично.

Встретилась она и с Доном Ричардсоном, с которым даже поделилась своими страхами. «Она сказала, что к ней приходил

священник, чтобы обсудить религиозную сторону дела, и что при этом присутствовал врач, который должен был сделать заключение, что Грейс не страдает бесплодием, – рассказывал он много лет спустя. – Она сказала, что ей не избежать гинекологического кресла и связанных с ним разглядываний и ощупываний. Ее беспокоило не столько бесплодие, сколько девственность. Неизвестно, что там хотел разглядеть врач, однако она ужасно волновалась».

Ричардсон посоветовал ей не паниковать и сказать врачу, что случайно «порвалась», занимаясь спортом в школьные годы. Грейс так и сделала, и врач ей поверил. Ну или сделал вид, что поверил, потому что князь, судя по всему, вовсе не питал иллюзий насчет девственности своей избранницы и хотел только соблюдения внешней благопристойности. Он был уверен в серьезности намерений Грейс стать образцовой женой и княгиней.

Прежние возлюбленные Грейс все поняли и не стали доставлять ей неприятностей, в отличие от родителей…

На этот раз источником проблем стал не Джек Келли,

который уже понял, как сильно вырастет его статус в глазах филадельфийских снобов, когда его дочь станет принцессой.

Но 15 января 1956 года в газетах появилась статья под названием «Моя дочь Грейс Келли. Ее жизнь и любовные увлечения». Этот неожиданный «подарок» преподнесла дочери Маргарет. Она поведала репортерам о детстве Грейс, а главное – обо всех ее любовниках, правда, выведя большинство из них под вымышленными именами.

«Для Грейс это был настоящий удар, – вспоминал потом Ренье. – Она отказывалась понять, зачем ее собственная мать решилась на такой шаг». Грейс позвонила матери и впервые в жизни высказала все, что о ней думала.

Впрочем, тон статей, несмотря на перечисление всех увлечений Грейс, выставлял ее не развратной потаскушкой, а влюбчивой дурочкой, поэтому сильно ее репутация не пострадала. А вот гордость – да. По статьям выходило, что своим счастьем она полностью обязана мудрости родителей, которые удержали ее от глупостей и нашли ей самого лучшего жениха.

Последним ударом по ее гордости стала шутка Джона Келли. «Кажется, мы наконец распродали весь товар», – сказал он, имея в виду, что Грейс – последняя из его дочерей, кто выходит замуж.

Сначала я должна была сражаться с киностудией, чтобы меня не считали товаром. И вот теперь родная семья торгует мною, словно на базаре. Неужто это никогда не кончится? Когда же я наконец стану просто человеком?

В ожидании свадьбы, назначенной на апрель, Грейс еще успела сняться в своей последней картине с очень подходящим названием – «Высшее общество»

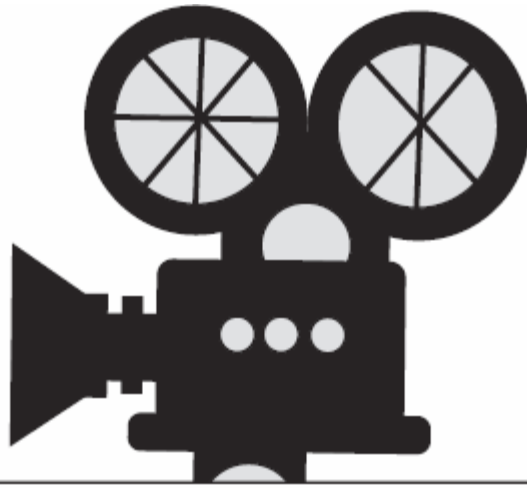
Это была музыкальная адаптация «Филадельфийской истории», когда-то ставшей ее актерским дебютом на театральной сцене.

Для этой роли она с присущей ей старательностью даже

научилась петь, поскольку очень не хотела, чтобы ее переозвучивала другая актриса. Режиссер был против, но Грейс настояла и победила – их дуэт с партнером по фильму, которого играл ее несостоявшийся жених Бинг Кросби, вошел в золотую коллекцию романтических хитов Голливуда.

Кстати, на съемках произошел забавный случай – героиня, которую играла Грейс, по сюжету в нескольких сериях хвасталась обручальным кольцом, и она в шутку предложила использовать не бутафорское, а настоящее, которое подарил ей Ренье.

«И вот на следующий день, – вспоминала одна из участниц съемок, – она является к нам со своим бриллиантом размером с колесо. Какая это была красотища! Обычно я равнодушна к бриллиантам, потому что это белые безжизненные камни. Однако у этого был цвет! И какой! Мне тотчас вспомнилась стеклянная призмочка, которую я маленькой девочкой видела в детском саду. Казалось, она была наполнена жизнью и светом». А Грейс, наслаждаясь всеобщим изумлением, невинно сказала: «Ведь правда же, миленькое?»



Я любила свою работу, свое ремесло. Я не любила необходимость появляться на публике, когда была кинозвездой, хотя даже в Голливуде моя личная жизнь во многих отношениях оставалась моей собственной жизнью. Когда я вышла замуж, моя личная жизнь стала достоянием общества. У меня фактически не осталось ничего личного, с чем и пришлось смириться.

Все то время, пока шла подготовка к свадьбе, прессу интересовал вопрос, продолжит ли Грейс сниматься в кино?

На самом деле Ренье сразу решил, что карьеру актрисы его

жене придется закончить – невозможно «сидеть на двух стульях» и совмещать работу в кино и многочисленные заботы княгини Монако. Но он помалкивал, чтобы не злить американскую прессу, и без того считающую, что их голливудская богиня делает старушке-Европе большое одолжение, выходя за одного из ее принцев. К тому же он знал, что у Грейс еще не истек контракт с «Метро-Голдвин-Майер», и не хотел настраивать против себя могущественную киностудию.

Сама Грейс тоже предпочитала не отвечать, потому что не умела так далеко планировать, и привычно рассчитывала, что все как-нибудь уладится само собой. С одной стороны, она не хотела бросать кино, а с другой – была уже готова к этому шагу. Она давно мечтала о семейном очаге и к тому же практично понимала, что в качестве княгини Монако будет на виду, а значит, свой кусочек популярности у нее всегда останется, причем безо всяких усилий. Не зря Альфред Хичкок, услышав о ее помолвке, с некоторой насмешкой сказал: «Я ужасно счастлив, что Грейс нашла себе такую отличную роль».

Закончилась игра в молчанку в конце января 1956 года, когда Ренье, выяснив, что «Метро-Голдвин-Майер» не будет судиться из-за расторжения контракта, открыто объявил, что его невеста заканчивает карьеру актрисы. Грейс оставалось только подтвердить его слова. В конце концов она всегда хотела найти мужчину, который снимет с нее бремя ответственности за принятие решений.

Грейс оставит свою карьеру. Будет лучше, если она это сделает. И она тоже так считает. Ей больше нет необходимости работать.
Принц Ренье

В чем была причина такой щедрости «Метро-Голдвин-Майер»?

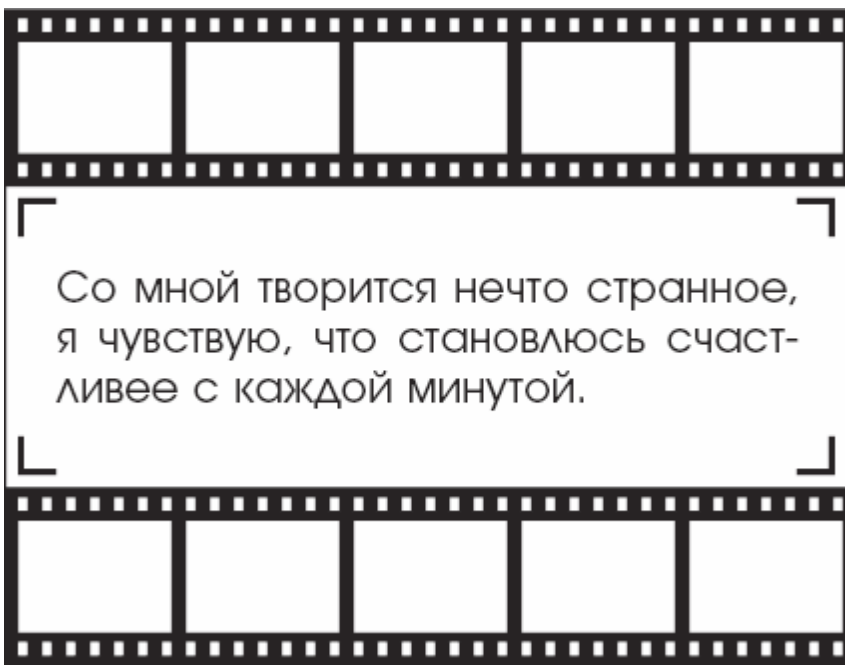
Они ведь не только не стали удерживать свою звезду, но еще и подарили ей свадебное платье стоимостью более семи тысяч долларов, дали ей в сопровождение на свадьбу ее любимую парикмахершу, подарили все наряды, в которых она снималась в «Высшем обществе», и даже выплатили премию.

Дело было прежде всего в том, что на студии достаточно быстро поняли, что их никто не поддержит, если они станут судиться с Грейс. В глазах американцев она была Золушкой, выходящей замуж за принца, и они не простили бы тех, кто захотел бы отнять у них эту сказку. Не зря Маргарет Келли закончила цикл своих скандальных статей о дочери заявлением, от которого была в восторге вся Америка: «В некотором роде ее история – еще одно подтверждение американской мечты. И если

Грейси сумела найти себе принца, то это по силам каждой американской девушке».

Поэтому руководство «Метро-Голдвин-Майер» предпочло пойти другим путем и извлечь выгоду из дружбы с Грейс, а не из войны с ней. По соглашению с ней и Ренье они получили эксклюзивное право на съемки их свадьбы и собирались сделать из этого самый прибыльный в истории рекламный ролик ее последнего фильма «Высшее общество», которому скоро предстояло выйти на экраны.

И вот наконец 4 апреля 1956 года десятки тысяч людей собрались в нью-йоркском порту провожать Грейс, отплывающую на лайнере «Конституция» в далекое сказочное Монако.



12 апреля 1956 года лайнер «Конституция» бросил якорь в порту Монако.

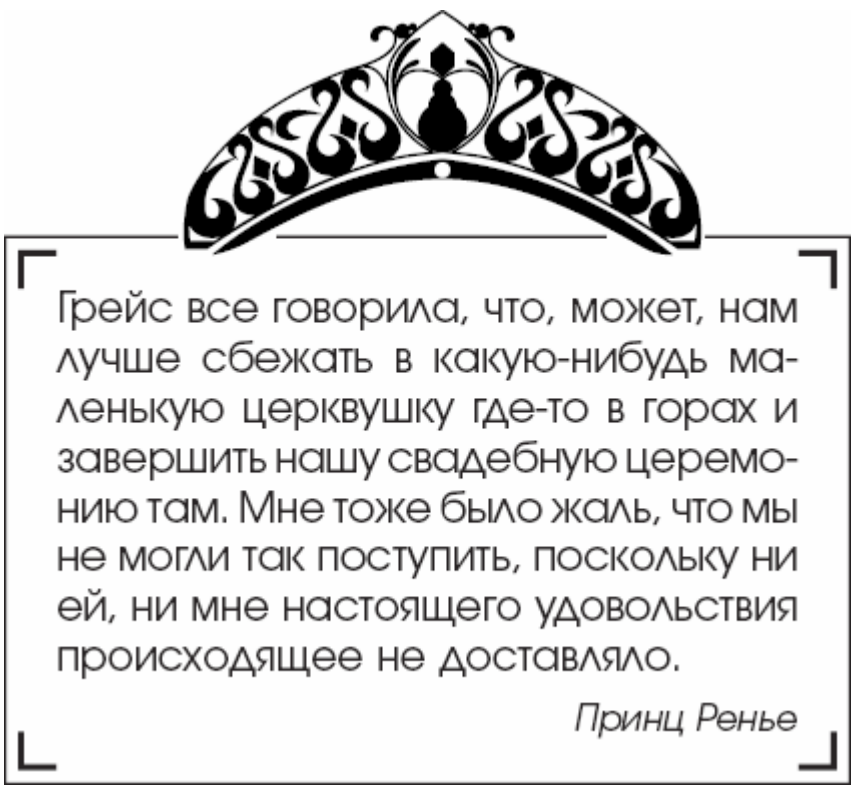
Грейс встречали тысячи людей, море у побережья было заполнено легкими яхтами и лодками – словно вся страна собралась посмотреть на свою будущую княгиню. Когда она вышла на палубу, с самолета посыпался дождь красных и белых гвоздик – подарок от Аристотеля Онассиса. Такого пышного торжества в Монако не видели давно.

Свадьба была назначена через неделю, а пока Грейс и Ренье каждый день давали приемы, на которых приветствовали прибывающих высоких гостей. Будущая свекровь, княгиня Шарлотта, встретила Грейс очень холодно. К счастью, она не

имела большого влияния на сына, поскольку еще в 1933 году развелась с мужем и пустилась во все тяжкие, а сейчас жила со своим шофером – бывшим знаменитым вором драгоценностей. Она изо всех сил демонстрировала презрение к будущей невестке-плебейке, хотя сама была незаконнорожденной дочерью князя, удочеренной, чтобы не передавать престол немецким родственникам.

Сестра Ренье, недавно разошедшаяся с первым мужем, тоже не особо радовалась будущей невестке, поскольку вынашивала планы сместить брата и занять престол. Единственным членом княжеской семьи, кто отнесся к Грейс доброжелательно, был отец Ренье, князь Пьер де Полиньяк.

Вдобавок ко всему во время подготовки к свадьбе нескольких гостей ограбили – украли драгоценности. Пресса с радостью ухватилась за это событие, напомнившее недавний фильм Грейс «Поймать вора». Скандальности добавляло то, что в воровстве подозревали любовника княгини Шарлотты.


Грейс все говорила, что, может, нам лучше сбежать в какую-нибудь маленькую церквушку где-то в горах и завершить нашу свадебную церемонию там. Мне тоже было жаль, что мы не могли так поступить, поскольку ни ей, ни мне настоящего удовольствия происходящее не доставляло.
Принц Ренье

18 апреля 1956 года в тронном зале монакского дворца состоялось долгожданное бракосочетание.

Точнее, первое из трех – сначала они заключили брак по

гражданскому обряду, потом повторили эту церемонию для операторов «Метро-Голдвин-Майер» и наконец на следующий день состоялось торжественное венчание.

В качестве подружек невесты Грейс выбрала шестерых своих старых подруг. Ее выбор несколько озадачил французскую прессу, поскольку по традиции подружки невесты должны были быть девушками-католичками, а из них две были разведены, две – еврейки, и уж точно ни одна не была девственницей. Но Грейс ценила дружбу выше традиций.

Королей на свадьбе не было, но и без них было на кого посмотреть – аристократы, миллионеры, звезды кино, среди которых были Аристотель Онассис и Ава Гарднер.

Венчание транслировалось на девять европейских стран – для тех времен это было невиданным размахом. Свадебную церемонию посмотрело около тридцати миллионов человек. И кажется, никогда еще Грейс не была так знаменита и популярна, как в этот день. А ее платье – подарок киностудии – было необыкновенно прекрасно, как и положено наряду сказочной принцессы. Свадебный наряд Грейс Келли до сих пор остается непревзойденным образцом элегантности.

После венчания и поздравлений молодожены удалились и вернулись уже в дорожной одежде. В гавани их ждала яхта, на которой они отправились в свадебное путешествие. Наконец-то вдвоем, вдали и от журналистов, и от родственников…

В день, когда мы покидали Монако, чтобы совершить свадебное путешествие, у меня было ощущение, словно я отправляюсь в неведомые края. Меня не оставляли мысли: «Что ждет меня? Какой будет эта новая жизнь?»

Грейс попала в сложную семью, что она, впрочем, поняла

безо всяких подсказок еще перед свадьбой.

К тому же дворец был опутан традициями и правилами, которые нельзя было нарушать и с которыми она долго боролась, видя их глупость и архаичность. «Грейс призналась мне, какой несчастной она чувствовала себя в первые месяцы, – рассказывала ее подруга, писательница Гвен Робинс. – Она отвратительно чувствовала себя по утрам, и, словно пытаясь еще сильнее досадить ей, по мрачному дворцу разгуливал мистраль, отчего у бедняжки обострялся насморк. Грейс изо всех сил старалась привнести в этот мрак и пыль хоть чуточку солнечного света, хотя и не сомневалась, что за спиной слуги насмешливо передразнивают ее американские затеи и ужасный французский выговор».

Старые высокомерные слуги наотрез отказывались менять давно установленные вековые традиции. Бережливой Грейс не удавалось добиться, даже чтобы в пустующих комнатах гасили лампы.

Но на ее стороне было, во-первых, общественное мнение, во-вторых, надежды монакского народа, ожидавшего, что с ее появлением княжество вернет себе прежнее процветание, и в-третьих, что самое главное – муж. К тому же она сразу же выполнила первую и главную обязанность княгини: из свадебного путешествия она вернулась уже беременной.

Приданое для ребенка Грейс отправилась покупать… в Нью-Йорк.

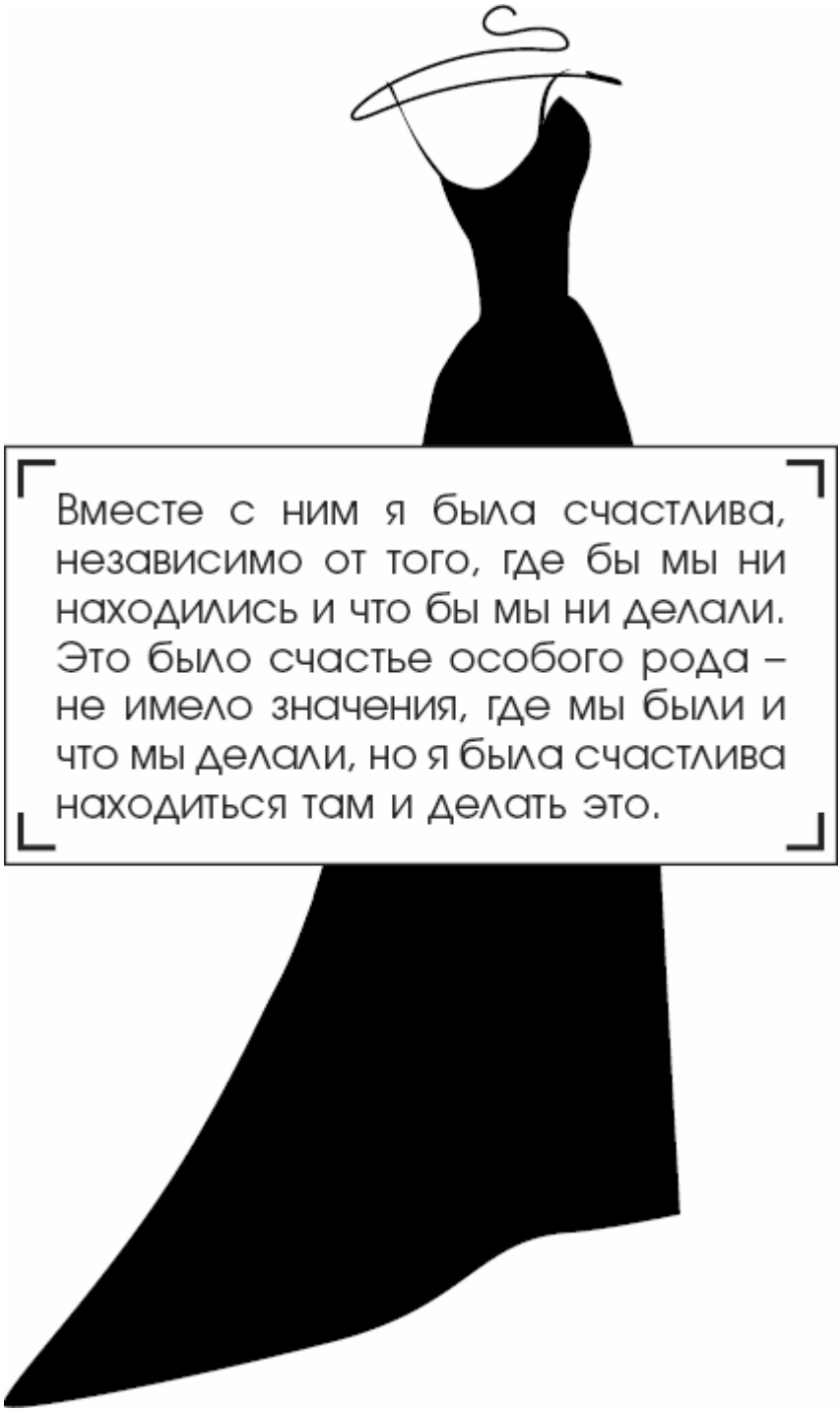
Она оставалась американкой и была уверена, что в США все самое лучшее. Там ее быстро подкараулили вездесущие репортеры, и в сентябре 1956 года в газетах появилась ее фотография, на которой она смущенно прикрывала уже заметный

живот большой квадратной сумкой. Такие сумки сразу же вошли в моду и стали называться «сумками Келли», хотя изначально предназначались для перевозки снаряжения для верховой езды.

Газеты вновь запестрели фотографиями Грейс и статьями о ней, а их с Ренье визит в Белый дом освещался подробнее, чем визиты президентов крупных держав. Вся Америка интересовалась «своей принцессой» и радовалась будущему наследнику Монако.

«Мой врач говорит, – весело признавалась Грейс в интервью, – что я слишком много ем. Что касается имени ребенка, то мы подыскиваем имена, которые одинаково хорошо звучат как по-английски, так и по-французски».

Но американские «каникулы» скоро закончились, и князь с княгиней вернулись в Монако. Согласно багажной квитанции общий вес привезенных ими вещей составлял около двух тонн. Правда, там были не только детские вещи, но и разные современные бытовые приборы, и старинная французская мебель из квартиры Грейс.


Вместе с ним я была счастлива, независимо от того, где бы мы ни находились и что бы мы ни делали. Это было счастье особого рода – не имело значения, где мы были и что мы делали, но я была счастлива находиться там и делать это.

К рождению ребенка Грейс готовилась со всей тщательностью.

Сначала предполагалось, что она будет рожать в больнице, но

потом излишнее внимание к ее будущему ребенку несколько напугало Грейс, и она, посоветовавшись с мужем, решила, что лучше будет вызвать врача во дворец. Это очень разозлило журналистов, которые рассчитывали сделать сенсационные кадры. Известно, что кто-то из фотографов даже подкупил шофера, чтобы тот по пути в больницу притормозил в условном месте.

Грейс прочитала гору современной литературы и твердо решила, что будет рожать его без обезболивающего и вскармливать материнским молоком. И вот в январе 1957 года, через девять месяцев и четыре дня после свадьбы, на свет появилась наследница монакского трона, нареченная Каролиной Луизой Маргаритой. В честь этого пушки сделали двадцать один залп, были объявлены общенациональный праздник и амнистия – из тюрьмы выпустили единственного сидевшего там заключенного.

Маргарет Келли поддерживала Грейс в эти дни – она специально приехала из США к январю на тот случай, если ребенок родится раньше срока. Джек, разумеется, оставался дома, а когда ему сообщили о рождении внучки, сказал: «О, черт, а я надеялся, что будет мальчик». Впрочем, Грейс знала свой долг, и его надежды сбылись уже через год и два месяца, когда 14 марта 1958 года на свет появился принц Альбер Александр Луи Пьер, ныне правящий князь Монако.

Быть родителем – это самая тяжелая работа в мире. Она – как подъем в гору без остановок и передышек, но, должно быть, это самая важная в мире работа.

Но, конечно, вклад Грейс в современное процветание Монако не ограничился тем, что она подарила стране наследников.

Аристотель Онассис был прав – голливудская звезда в княжеской короне привлекла к себе взоры всего мира. Начиная с ее свадьбы Монако больше не знало недостатка в туристах, и доходы как правящего дома, так и простых граждан неуклонно росли.

К тому же кампания в прессе привлекла к княжеству внимание многих бизнесменов. В Монако была очень льготная система налогообложения, а подоходного налога не было вообще. Но прежде об этом знали лишь избранные, которые сами перевели туда свой бизнес, но не стремились делиться секретом с конкурентами. Теперь же туда устремились многие толстосумы, не желавшие платить налоги на родине. К 1961 году оборот

монакского бизнеса достиг 128 миллионов долларов, то есть за десятилетие вырос на 400 %.

Правда, такая политика вызвала сильное недовольство Франции, поскольку основной отток денег был именно оттуда. Президент де Голль уже готов был пойти на репрессивные меры, и Ренье срочно послал к нему Грейс. Та и не думала вникать в политику, она была воспитана как американская домохозяйка, в уверенности, что политика – не женское дело, ее дело – мужа поддерживать. Она легко очаровала де Голля и французов, и переговоры вновь вернулись в мирное русло. Безусловно, Грейс была очень ценным приобретением для Монако…

За популярность княжеской семье пришлось расплатиться личной жизнью.

Теперь они всегда находились под постоянным наблюдением прессы. Любой их шаг становился достоянием общественности, наблюдавшей за их жизнью как за увлекательной мыльной оперой.

Тем более что журналисты старались вовсю, создавая сенсации на пустом месте, – например, когда вся семья отдыхала в Швейцарии, кто-то пустил слух, что принцессу Каролину похитили, и уже на следующий день эта новость облетела все газеты мира. Опровержения князя никто не слушал. А он был в настоящей ярости: «Похищение – чистейшей воды выдумки! Это просто преступно, ведь для кого-то это могло бы оказаться хорошей подсказкой!»

Увы, он еще долго надеялся, что ему удастся взять прессу под контроль и выдавать журналистам информацию строго дозированно. На деле это только подстегивало интерес публики к тому, что оставалось скрыто от их глаз. В конце концов Ренье пришла в голову хорошая идея нанять специальных людей, которые были бы ответственны за создание их имиджа для прессы – писали статьи, отбирали фотографии и передавали их журналам, инструктировали «прикормленных» репортеров и отвечали на письма за Грейс и Ренье. На время такая тактика позволила им хотя бы частично сохранить свою личную жизнь неприкосновенной. Но только на время.

Я, конечно же, уважаю людей, которые должны делать свою работу. Но у некоторых газет своеобразное представление о том, что мы – литературные герои, и это дает им право сочинять про нас любые истории, какие им только вздумается. Невозможно защитить себя от «литературного творчества» такого рода.

Свои обязанности княгини Грейс выполняла безукоризненно и в то же время каждым своим шагом формировала положительный имидж Монако и правящей там семьи.

Она много занималась благотворительностью, организовала в княжеском дворце ежегодную рождественскую елку для всех детей Монако в возрасте от трех до двенадцати лет, открыла больницу и детский сад, покровительствовала сиротскому приюту. А в начале 60-х Грейс стала одной из основательниц и почетным президентом Всемирной ассоциации друзей детства, помогавшей детям третьего мира.

Ренье поддерживал ее деятельность и даже назначил ее руководителем главной благотворительной организации Монако – общества Красного Креста. Поддержал он ее и в одном из первых начинаний, вызвавшем большой восторг в прессе, – отмене стрельбы по голубям. Была в Монако такая старая забава, заведенная еще толстосумами XIX века, приезжавшими прожигать жизнь в местных казино, – для них выпускали голубей, и они по

ним стреляли. Теперь по настоянию Грейс это было запрещено.

Ежегодный монакский благотворительный бал Красного Креста под ее руководством стал гвоздем светского сезона всей Ривьеры. Она приглашала на него своих голливудских друзей, в том числе Кэри Гранта и Фрэнка Синатру, и разумеется, билетов на бал было просто не достать.

Видите ли, Монако – такое маленькое княжество, что принцу и мне приходится заниматься абсолютно всем. Ничто не происходит без нашего участия. Государственная деятельность требует постоянного внимания; и конца ей нет.

Что касается дел семейных, то они шли с переменным успехом.

Несмотря на то что у Ренье оказался очень тяжелый и вспыльчивый характер, первые годы их брак был достаточно счастливым. Они оба души не чаяли в детях – Грейс читала им сказки, воспитывала по новейшим методикам, а Ренье устраивал для них представления, наряжаясь в «тетушку Леонору», которую те просто обожали. Но, к сожалению, излишняя любовь и постоянное внимание, которыми были окружены дети, сказались на них не лучшим образом – они выросли страшно избалованными и со временем превратились в притчу во языцех во всей Европе.

Но тучи начали сгущаться задолго до того, как они повзрослели. Друзья Грейс с сожалением вспоминали, что Каролина с детства была капризной и наглой, поскольку все ее желания немедленно исполнялись. Чуть что, она впадала в истерику, а Грейс бегала вокруг нее, сюсюкала и обещала сделать все, что она пожелает.

Одна нью-йоркская приятельница княгини взяла Каролину с собой за покупками и была неприятно поражена тем, как ужасно принцесса себя вела и как по-хамски разговаривала с продавцами.

Не лучше были воспитаны и младшие дети – Гвен Робинс, одна из первых биографов Грейс, знакомая с ней лично, была практически шокирована наглостью тринадцатилетней Стефании и как она помыкала матерью. Увы, но в попытках как можно дальше отойти от строгостей собственного воспитания Грейс впала в другую крайность и избаловала детей до безобразия.

Если дети должны вырасти здоровыми и сильными и сделать этот мир приемлемым для жизни, то все должно начинаться с любящих и ответственных матери и отца, с семьи, близкой не только родством физическим, но и духовным. Где еще ребенок может научиться уважать старших, быть внимательным к другим людям, соблюдая приличия и правила хорошего тона? Это все начинается в крепкой семье, в которой все любят друг друга.

В 1961 году Кэри Грант, заехавший к Грейс в гости, заметил, что она не слишком-то счастлива.

Тому было несколько причин – умер ее отец, у нее было два

выкидыша, отношения с Ренье начали ухудшаться, да еще к тому же ее подруга, актриса Рита Гам, получила награду за недавнюю роль в кино, и это вызвало у Грейс приступ ностальгии по тем временам, когда она сама была кинозвездой.

Все это привело к тому, что Грейс задумалась о возвращении к актерской профессии. Не навсегда, разумеется, а только на одну роль, и обязательно у великого режиссера. Благо такой был и даже горел желанием ее снимать – Альфред Хичкок, некогда очень расстроенный уходом Грейс из кино, был бы рад взять ее на главную роль в свой новый фильм «Марни».

И даже Ренье, обеспокоенный депрессией супруги, не был против, он даже запланировал поездку в США, чтобы самому присутствовать на съемках. «Я полагал, что для всех нас это станет настоящим развлечением, – вспоминал он об этом двадцать пять лет спустя, – особенно для детей. Я ведь знал, что ей хочется сниматься. И к тому же это означало работу с Альфредом Хичкоком, которого она просто обожала».

Но, увы, вмешалась пресса. Поднялась шумиха, газеты стали писать, что брак князя Монако разваливается, раз его жена решила вернуться в кино. Боссы «Метро-Голдвин-Майер» сочли себя оскорбленными – вот как она отплатила за их благородное согласие расторгнуть контракт. В итоге Грейс пришлось отказаться от возвращения в кино.

Мне хотелось бы сниматься, но это невозможно. У меня есть обязанности, которые я должна выполнять как принцесса и как мать.

Возвращение в кино было для Грейс теперь закрыто. Она пережила это и вернулась к обязанностям княгини.

В 1965 году у нее родился третий ребенок, дочь Стефания Мария Елизавета, что несколько взбодрило ее, но в целом жизнь вовсе не была такой радужной, как можно было подумать, глядя на фотографии княжеской семьи.

С Ренье они все больше отдалялись, дети росли

балованными, сестра Пегги превратилась в пьяницу, брат Келл после смерти отца начал прожигать жизнь в клубах. И наконец, в 1967 году у Грейс случился очередной выкидыш, после которого врачи сообщили ей, что больше детей у нее не будет.

Тем не менее жизнь, конечно, продолжалась – Грейс вернулась к благотворительности и обязанностям княгини, приняла участие в редактировании своей первой биографии, вышедшей из-под пера Гвен Робинс, которую так очаровала, что та изъяла из книги все скандальные эпизоды.

Но друзья, как старые так и новые, все больше замечали, что она превращается лишь в тень прежней Грейс или даже хуже – в пародию на нее. Она всегда была слишком доброй, но теперь стала практически безотказной. Ею помыкали и муж, и избалованные до безобразия дети. Она страдала от равнодушия мужа и все больше смотрела в прошлое, вспоминая дни счастья и славы.

Дональд Спото, писавший книгу о Хичкоке, беседовал с Грейс и поразился, насколько несчастливой выглядит эта женщина, у которой вроде бы есть все. «Мне показалось, – писал он, – что было в ее ответах нечто печальное: женщина, которой нет пятидесяти и у которой все в прошлом».

Проблема в том, как примириться с неизбежным, а не впадать в уныние. Ощущение, что ты стареешь, не возникает до тех пор, пока из-за всяких болей и болезней не приходится отказываться от активного образа жизни, приспосабливаясь к новым реалиям. Меня участь сия миновала – пока. Мне повезло, и я просто с нетерпением ожидаю, что будет дальше.

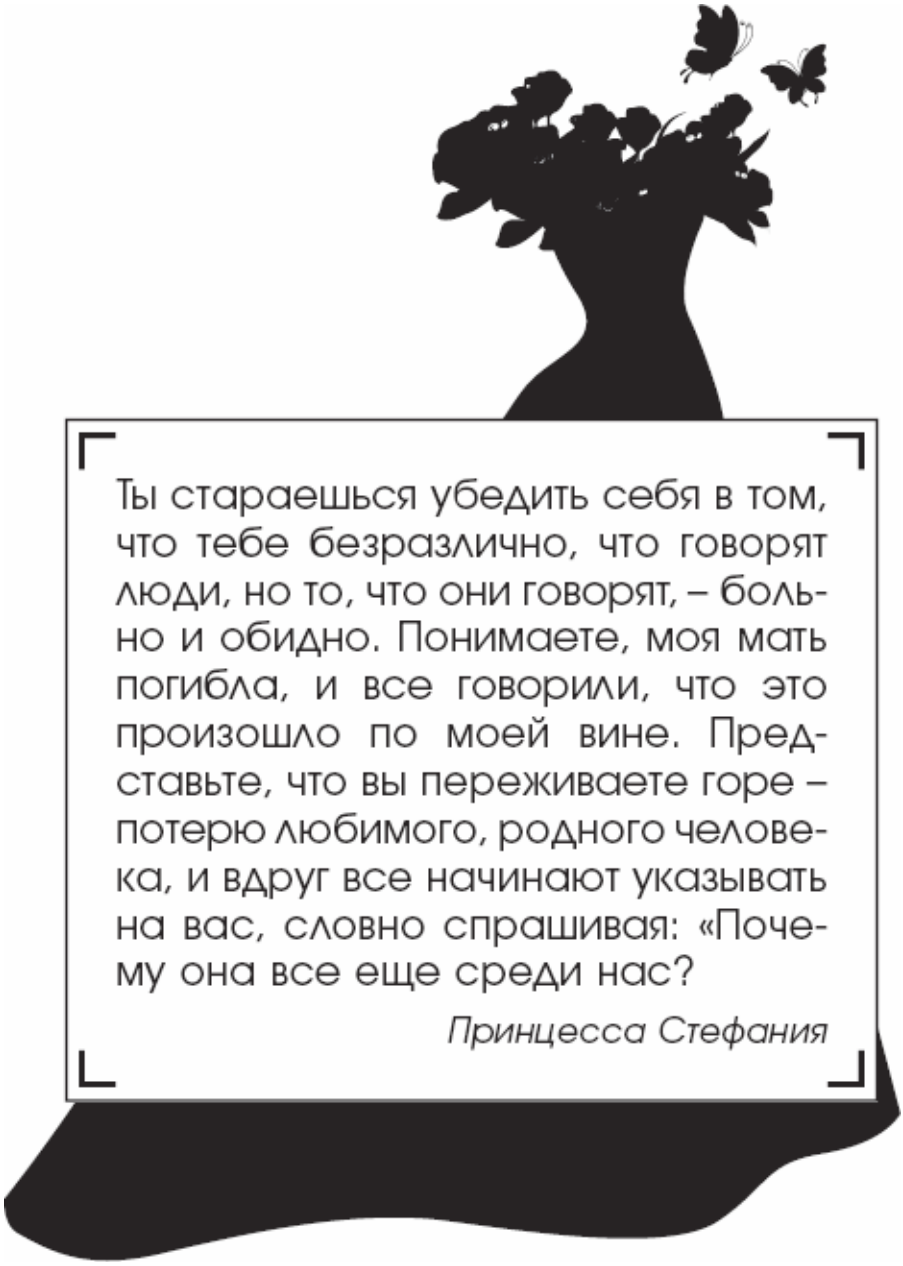
Впрочем, окончательно потеряв иллюзии насчет возвращения прежних чувств в браке, Грейс даже немного оживилась.

В последние годы она много путешествовала, и вокруг нее даже кружились скандальные слухи о романах с мужчинами намного моложе нее. К тому же, несмотря ни на что, она продолжала интересовать прессу и ее не забывали в киномире. В 1976 году она даже приняла приглашение стать первой женщиной в числе совета директоров компании «Двадцатый век Фокс». Конечно, это была просто почетная должность, но Грейс она искренне обрадовала.

Много хлопот доставляли ей и повзрослевшие дети, чьи скандальные сексуальные связи, браки с кем попало и громкие разводы до сих пор развлекают публику по обе стороны Атлантики. В свой последний день, 13 сентября 1982 года, Грейс

как раз собиралась поговорить по душам с младшей дочерью, Стефанией, поэтому оставила шофера и сама села за руль.

Не прошло и часа, как на глазах водителя грузовика, ехавшего по горному серпантину в сторону Монако, ее автомобиль на большой скорости не вписался в поворот и рухнул в пропасть. Это было на той самой дороге, по которой она гоняла в фильме «Поймать вора» и один раз уже чуть было не погибла… Прибывшая через несколько минут полиция нашла раненую Стефанию и умирающую Грейс.


Ты стараешься убедить себя в том, что тебе безразлично, что говорят люди, но то, что они говорят, – больно и обидно. Понимаете, моя мать погибла, и все говорили, что это произошло по моей вине. Представьте, что вы переживаете горе – потерю любимого, родного человека, и вдруг все начинают указывать на вас, словно спрашивая: «Почему она все еще среди нас?
Принцесса Стефания

Что случилось? Из-за чего погибла Грейс?

То ли она не справилась с управлением – водитель из нее всегда был неважный. То ли ей стало плохо, как утверждали потом официальные источники. Версии были разные – и диверсия, и убийство, и предположение, что за рулем была не сама Грейс, а Стефания…

Ходили разговоры, что и рычаг коробки передач был

установлен не так, как его обычно ставила Грейс, и что она не была пристегнута, хотя прежде никогда не забывала о ремнях безопасности. К тому же недавнее обследование не показало у нее никаких заболеваний, от которых она могла бы потерять сознание посреди дороги.

Подозрение вызывали и разногласия в показаниях свидетелей, и то, что Ренье запретил допрашивать Стефанию, и особенно ее собственное молчание, которое она нарушила лишь спустя тридцать лет, да и то ничего важного не сказала, а лишь повторила официальную версию.

Врачи сделали все, что могли, но это было бесполезно. 14 сентября 1982 года по решению Ренье и Каролины аппарат искусственного жизнеобеспечения был отключен. Прилетевшие вскоре Пегги, Келл и Лизанна даже не успели с ней попрощаться. Их согласия на отключение аппарата, конечно, тоже никто не спросил.

Грейс Келли умерла. Умерла легенда. Ее похороны превратились в последнее шоу с ее участием. На них съехалось короли, когда-то проигнорировавшие ее свадьбу, звезды Голливуда и просто ее старые друзья. Люди на затянутых черным улицах Монако открыто рыдали.

К ее могиле до сих пор ходят паломники и зажигают свечи…

Хотелось бы, чтобы меня запомнили как титулованную особу, которая сделала много полезных дел и которая была добросердечной и любящей женщиной. Мне хотелось бы оставить память о себе, как о личности с активной жизненной позицией, которая делала все возможное, чтобы помогать другим.

Принцесса Стефания